

№4 - 2018

АКАДЕМИК

НАУЧНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АКАДЕМИЯ» РОССИЙСКОГО СОЮЗА ОФИЦЕРОВ ЗАПАСА

НАУЧНЫЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

АКАДЕМИК

№4

МОСКВА, 2018

Возможность использования материалов журнала третьими лицами регламентируется лицензией Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Ярцун Сергей Васильевич

Директор

Воробьева Елена Николаевна

Научный редактор

Дидикин Антон Борисович

Выпускающий редактор

Пустовойтова Марина Владимировна

Веб-администратор

Геворкян Дмитрий Мушегович

Сайт журнала: <http://academic-journal.ru/>

E-mail: red@academic-journal.ru

НОУ ДПО «Академия» РСОЗ: <http://akademiyorsoz.ru/>

Редакция не располагает возможностями вести переписку, не связанную с вопросами публикаций.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

Подписано к публикации 27 декабря 2018г.

© АКАДЕМИК

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Плаксиева С.В., Лебедь В.Н.</i> Стратегическое управление персоналом предприятия как условие его эффективного развития	4
<i>Левина Е.В.</i> Социальная адаптация молодых специалистов как фактор регулирования и разрешения трудовых конфликтов	11
<i>Шумилова Э.Е.</i> История повседневности: теоретико-методологический аспект	16
<i>Талина Г.В.</i> Местное управление и самоуправление алексеевской России	21
<i>Беляев М.А.</i> Онтология права в ее соотношении с реалистической (религиозной) метафизикой	32
<i>Кравцов Д.Н.</i> Российские спецслужбы в процессах обеспечения безопасности духовной сферы жизнедеятельности человека, общества и государства: пути трансформации и оптимизации	40
<i>Воровщиков С.Г., Татьянченко Д.В.</i> Внутришкольная система метапредметного образования: состав и структура	51
ПУБЛИЦИСТИКА	
<i>Никитин М.А.</i> Отношение государства и общества к социальной политике	68

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК УСЛОВИЕ ЕГО ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ

Плаксиева Светлана Владимировна
кандидат экономических наук, доцент
кафедры организации и управления
Белгородского государственного аграрного
университета им. В. Я. Горина
plaksieva_svetlana@rambler.ru

Лебедь Виктор Николаевич
кандидат экономических наук, доцент
кафедры организации и управления
Белгородского государственного аграрного
университета им. В. Я. Горина
vickt.lebed@yandex.ua

Аннотация. В статье рассмотрена система управления персоналом в корреляции со стратегией развития предприятия и его персонала. Повышение эффективности управления персоналом предприятия рассматривается как основа стратегического потенциала и перспектив развития, влияющая на его конкурентоспособность, а также направления дальнейшей деятельности.

Ключевые слова: персонал, система управления, стратегия, цели организации, модель управления, развитие предприятия, потенциал.

Стратегическое управление персоналом становится важнейшей предпосылкой формирования успешного менеджмента в условиях существующих требований обеспечения развития предприятий. Стратегия управления персоналом отражает долгосрочные интересы предприятий.

Эффективное функционирование предприятия в современных условиях хозяйствования определяется адекватной стратегией эффективного использования и развития персонала, которая является одним из важнейших инструментов реализации основных функций системного управления.

По мнению специалистов, стратегическое управление и концепция управления персоналом могут повысить конкурентоспособность предприятия, создать его дополнительные ценности, сформировать эффективное управление предприятием [1, 3, 9].

Проблемам стратегического управления человеческими ресурсами и их практическому осуществлению посвящены различные исследования. Стратегическое управление персоналом всесторонне рассмотрели такие ученые и практики, как: Л.В. Батченко, Е.А. Бельтюков, Д.П. Богиня, А.А. Гришнова, В.М. Гончаров, Т.С. Максимова, А.Ф. Новикова, В. Осовская, И.Л. Петрова, М.Д. Прокопенко, Д. Тарасенко, А.Н. Уманский, А. А. Чухно, Л.В. Шаульская, Б. Генкин,

А. П. Егоршин, А.Я. Кибанова, Ю.Г. Одегов, М. Армстронг, Г. Вундерер, Г. Десслер, П. Друкер, Дж. Ходжсон. Не теряет своей актуальности разработки принципов, направлений и методов управления персоналом, формирование кадрового потенциала, применения новых методов и систем обучения и повышения квалификации персонала, разработки и реализации стратегии управления персоналом.

Цель исследования заключается в разработке теоретических и практических рекомендаций по совершенствованию стратегического управления персоналом предприятия.

Стратегическая цель системы управления персоналом заключается в обеспечении развития предприятий за счет эффективного использования человеческого капитала. При формировании стратегии управления персоналом основной задачей становится определение и учет будущих изменений и тенденций, обоснование изменений, способствующих устойчивому развитию [1, с. 164].

Стратегией управления персоналом В.Г. Щербак определяет как приоритетное качественно и количественно определенное направление действий во внешней и внутренней среде предприятия, необходимый для достижения долгосрочных целей по созданию высокопрофессионального, ответственного и сплоченного коллектива с учетом стратегических целей развития предприятия и его ресурсных возможностей [2, с. 49].

В самом широком смысле под стратегией управления персоналом понимается система долгосрочных целей управления персоналом, которые определяются идеологией и общими задачами развития предприятия, а также выбор наиболее эффективных путей их достижения. Стратегию управления персоналом можно рассматривать как генеральный план действий предприятия в области кадровой деятельности, который определяет ее формы и направления, источники и способы формирования персонала, обеспечивающие достижение стратегических целей развития предприятия [3].

Стратегия управления персоналом позволяет связать многочисленные аспекты управления персоналом с целью оптимизации их влияния на персонал предприятия, в первую очередь на трудовую мотивацию работников и их образовательно-профессиональные характеристики.

Основными характеристиками стратегического управления персоналом являются:

- долгосрочный характер, что объясняется направленностью на разработку и изменение психологических установок, мотивации, структуры персонала, всей системы управления персоналом или ее отдельных элементов;

- цели стратегического управления персоналом должны отвечать общей стратегии развития предприятия; они должны быть направлены на достижение целей экономического развития предприятия, а не противоречить им;

- стратегическое управление персоналом должно учитывать действие факторов внешней и внутренней среды предприятия, что может вызвать

необходимость корректировки общей стратегии развития предприятия, а соответственно и изменений структуры и численности персонала, его навыков и квалификации, стиля и методов управления персоналом [4].

Понятие стратегического управления персоналом основывается на концептуальных основах стратегического управления предприятием в целом.

Стратегические цели по управлению персоналом должны быть согласованы не только с миссией предприятия, его общими и функциональными стратегическими целями, но и отвечать конкурентной позиции предприятия, поскольку именно персонал является основным источником повышения конкурентоспособности предприятия.

Процесс стратегического управления персоналом состоит из трех основных этапов:

- стратегическое планирование деятельности персонала;
- стратегическая организация персонала;
- стратегический контроль персонала.

Стратегическое планирование персоналом является одним из важнейших этапов стратегического управления персоналом, поскольку именно на этом этапе устанавливаются целевые ориентиры в сфере управления персоналом на долгосрочный период, выбирается кадровая стратегия предприятия, организационное обеспечение достижения установленных стратегических целей по управлению персоналом. [3, с. 28].

Стратегический подход к управлению персоналом предполагает, прежде всего, качественные изменения в сфере работы с персоналом. Они заключаются в том, что в рамках традиционных направлений кадровой работы все большее значение приобретают стратегические аспекты. Объединяясь со стратегическими технологиями, планирование потребности в персонале, отбор, оценка, обучение, которые выступают как составляющие стратегии управления персоналом, приобретают новое качество и единую целевую направленность на достижение стратегических целей развития предприятия [1, с. 169].

Зарубежный опыт теории и практики менеджмента свидетельствует, что переход от текущего внутрифирменного планирования к долгосрочному, а затем и к стратегическому обусловлен ускорением темпов научно-технического и социально-экономического развития, усилением элементов неопределенности и непредсказуемости во внешних отношениях.

Необходимость изменения общей парадигмы управления персоналом позволяет сделать вывод о том, что решение важнейших задач кадровой политики (отбор, подготовка работников, оплата труда) в современных условиях невозможно в рамках традиционных представлений. Концепция стратегического менеджмента персонала предполагает управление коллективом предприятия, которое опирается на человеческий потенциал как основу развития предприятия.

Стратегическое управление персоналом предприятия формируется с учетом стратегических целей развития, особенностей воздействия факторов внешней среды и тенденций развития рынка труда, возможностей ресурсного обеспечения

кадровых мероприятий. Цели стратегического управления персоналом, в свою очередь, влияют на реализацию мероприятий кадровой политики предприятия [1, с. 169-170].

Стратегия развития персонала тесно взаимосвязана со стратегией управления персоналом и стратегии управления организации. При этом две первые стратегии основываются на третьей – стратегии управления организации.

Введение новых направлений деятельности, изменение курса организации, исходя из ее внутренних ресурсов, требует в стратегии развития персонала главные акценты сместить на овладение работниками новых знаний, умений и навыков. Профессиональная переподготовка и повышение квалификации приобретают особое значение для реализации стратегии изменения курса [5, с. 21-23].

Стратегическое управление персоналом позволяет формировать необходимый кадровый персонал, ориентирует производственную деятельность или оказание услуг в соответствии со спросом потребителя, осуществляет гибкое регулирование и своевременные изменения в организации, отвечающие вызову окружения и позволяющие достичь определенных конкурентных преимуществ. Стратегическое управление дает возможность организации укрепить свое положение на рынке благодаря реализации поставленных целей.

Каждому варианту стратегии управления организации соответствует адекватный вариант стратегии развития персонала [6, с. 78]. Понимание взаимосвязи стратегии управления персоналом с другими важнейшими элементами стратегического выбора предприятия позволяет более эффективно строить процесс разработки стратегии.

Стратегия управления персоналом как функциональная стратегия должна формироваться с учетом стратегических целей развития предприятия. При этом формирование стратегических целей управления персоналом определяется организационным окружением, особенностями воздействия факторов внешней среды и тенденциями развития рынка труда, возможностями ресурсного обеспечения кадровых мероприятий. Цели стратегии управления персоналом, в свою очередь, влияют на реализацию мероприятий кадровой политики предприятия.

К предпосылкам повышения эффективности использования персонала в системе управления предприятием необходимо относить эффективное применение интеллектуального, организаторского, творческого потенциала персонала с помощью улучшения содержания труда, его гуманизации, исключение монотонности и бессодержательности труда; обеспечение безопасности и надежности производственных процессов; обеспечение нормальных условий труда, рациональных режимов труда и отдыха; определение способностей работника, установление характеристик, которые прямо или косвенно влияют на эффективность труда [6, с.147].

Исследование роли и места стратегии управления персоналом в системе управления персоналом позволили определить стратегические направления управления персоналом предприятия, к которым можно отнести такие направления,

которые определяют задачи кадровой политики предприятия с учетом стратегических целей его развития:

- формирование и эффективное использование кадрового потенциала предприятия;
- маркетинг персонала, включая анализ рынка труда, формирование системы найма и использования персонала, исследования субъектов этого рынка, определение требований к персоналу;
- формирование форм и методов подбора, оценки и аттестации персонала;
- разработка концепции развития персонала предприятия, включая новые формы и методы обучения персонала, планирование деловой карьеры, формирования кадрового резерва с целью опережающего проведения этих мероприятий к отношению сроков появления потребности в них;
- совершенствование форм и методов регулирования трудовых отношений;
- формирование направлений социального развития предприятия;
- совершенствование информационного обеспечения всей компании достигнутого уровня стратегического управления персоналом предприятия.

Формирование стратегии управления персоналом базируется на оценке достигнутого стратегического уровня управления предприятия. На основе анализа внешней и внутренней среды предприятия определяются критерии желаемого состояния предприятия, который находит свое выражение в системе стратегических целей управления персоналом и формировании на их основе стратегических направлений управления персоналом [9, с. 27].

Подводя итог, следует отметить, что стратегическое управление персоналом является программным способом мышления и управления, обеспечивающий согласование целей, возможностей предприятия и интересов работников предприятия. Он предполагает не только определение генерального курса деятельности предприятия, но и повышение мотивации, заинтересованности всех работников в его реализации.

Дальнейшие исследования указанной темы должны быть направлены на изучение методов и средств стратегического управления персоналом, стимулирование заинтересованности работников в повышении собственного профессионального и квалификационного уровня, воплощение новых инициатив. Это требует от менеджеров реинжиниринга бизнес-процессов, умения развивать и мотивировать персонал, обеспечивать достижение запланированных показателей.

Развитие предприятия может быть обеспечено только на основе стратегического управления. Разработка и внедрение стратегии управления должна базироваться на эффективном использовании всех ресурсов предприятия, их оценке и приведении в стратегическое соответствие.

Также необходимо отметить, что стратегическое управление персоналом является не только разработкой программы развития персонала предприятия, но и принятием решений, рассчитанных на перспективу. Это также комплекс процессов, явлений и характеристик, отражающих приоритетность целей и динамики роста, своевременность действий, предвидение, анализ последствий управляющих воздействий и инноваций.

Новые подходы к стратегическому управлению персоналом значительно расширяют задачи управления персоналом, особенно в стратегической перспективе. В связи с этим стратегическое управление персоналом может быть представлено как управление его кадровым потенциалом. Кадровый потенциал предприятия представляет собой интегральную совокупность возможностей персонала к трудовой активности, под которой понимается его способность к творческой, продуктивной работы, к освоению новых орудий труда, технологии и способов трудовой деятельности, к совершенствованию своего профессионального мастерства, инновационной деятельности и тому подобное. Носителем кадрового потенциала персонал предприятия.

Таким образом, основной научный результат исследования заключается в четком очерчивании взаимосвязи стратегии развития предприятия и стратегии управления персоналом предприятия и разработке теоретических и практических рекомендаций по совершенствованию стратегического управления персоналом предприятия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман И.Р. Стратегическое управление персоналом в условиях современного развития рынка труда: монография. М., 2009.
2. Щербак В. Управление персоналом. Харьков, 2005.
3. Барашкин Л.В. Стратегическое управление персоналом в условиях рыночной экономики: монография. Донецк, 2010.
4. Горецкая В.В. Роль и место управления персоналом в компании // Управление человеческим потенциалом. 2009. №2 (18). С. 122-128.
5. Савельев В.А. Управление развитием персонала: учеб. пособие. / В.А. Савченко. М.: Финансы, 2002.
6. Друкер П. Классические работы по менеджменту. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
7. Маслов А.А. Стратегические аспекты управления персоналом. М., 2010. № 20/6.
8. Филин Н.Л. Менеджмент персонала: учеб. пособие. М., 2004.
9. Пархоменко Н.А. Теоретические основы стратегического управления персоналом // Вестник Белгородского ун-та, 2009. № 3.
10. Кияшко А.А. Управление персоналом предприятия: концептуальное определение и механизмы развития: монография. Луганск: Изд-во ВНУ им В. Даля, 2010.

STRATEGIC MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE PERSONNEL AS A CONDITION OF ITS EFFECTIVE DEVELOPMENT

Plaksieva Svetlana V.
candidate of economic Sciences,

associate Professor of organization and management
Belgorod state agricultural University named Gorin

Lebed Victor N.
candidate of economic Sciences,
associate Professor of organization and management
Belgorod state agricultural University named Gorin

Abstract: *The article considers the personnel management system in correlation with the development strategy of the enterprise and its personnel. Improving the efficiency of personnel management of the enterprise is considered as the basis of the strategic potential and development prospects, affecting its competitiveness, as well as the direction of further activities.*

Keywords: *personnel, management system, strategy, organization goals, management model, enterprise development, potential.*

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

Левина Елена Владимировна
кандидат социологических наук, доцент,
Институт деловой карьеры
hkuptsov@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье автор указывает на ключевую роль социальной адаптации молодых сотрудников в регулировании и разрешении трудовых конфликтов. Рассматриваются типы и уровни адаптации сотрудников. Предлагается диагностическая карта уровня конфликтности в организации.

Ключевые слова: социальная адаптация, профессиональная ориентация, регулирование и разрешение конфликтов, корпоративная культура, социальный статус, социальные ожидания, уровень конфликтности в организации.

В настоящее время особое место в теории и практике управления персоналом организации занимает проблема управления трудовыми конфликтами. Данная проблема связана прежде всего с рядом факторов: социальными, социально-экономическими, политическими, психологическими, социально-психологическими, культурными, национально-этническими и прочее. Предложенные факторы объясняют наличие множества классификаций конфликтов, а также теорий и подходов к их регулированию и разрешению.

Особое внимание привлекают конфликты, которые возникают у молодых сотрудников в период адаптации и «вхождения» в должность. Данные конфликты имеют ряд особенностей, которые связаны с возрастом специалистов, относительно небогатым трудовым опытом, а также особенностями адаптационного периода. Социальная адаптация представляет собой взаимное приспособление работника и организации, основывающееся на постепенной вработываемости сотрудника в новых профессиональных, социальных, организационно-экономических условиях труда¹. Таким образом, выделяют профессиональную, психофизическую, организационную и социально-психологическую адаптации (Рис.1).

¹ Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4 изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Деловая книга, 2008. С. 631.

Рис.1. Типы трудовой адаптации сотрудников организации

Под профессиональной адаптацией понимают приспособление нового сотрудника к должностным обязанностям, целям и задачам деятельности. В процессе профессиональной адаптации у индивида происходит обогащение человеческого капитала за счет роста профессиональных компетенций, которые складываются из знаний, умений, навыков и опыта.

Социально-психологическая адаптация предполагает приспособление к новому коллективу, к нормам, правилам и стандартам поведения, как формальным, так и неформальным.

Психофизиологическая адаптация связана с привыканием сотрудников к новым условиям труда, к режиму работы.

Организационная адаптация включает в себя самоидентификацию индивида в организации, освоение роли и принятие социального статуса в организационной структуре компании [2, с. 631].

В настоящей работе мы рассмотрим факторы, воздействующие на групповую динамику и конфликтное взаимодействие (Таблица 1).

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ХАРАКТЕР ГРУППОВОЙ ДИНАМИКИ И КОНФЛИКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УРОВЕНЬ	ФАКТОРЫ	ИХ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ
СОЦИАЛЬНЫЙ	<ul style="list-style-type: none"> Социально-экономические Политические Культурно-исторические 	Внешнее воздействие (воздействие внешней среды) на малую группу или организацию.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ	Динамические характеристики внутригрупповых процессов	Внутригрупповой социально-психологический климат
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ	Психологические особенности сознания и поведения каждого из членов группы	Состав, характер и тип группы

Описывая и объясняя взаимодействие индивидов в малых группах и в организациях, необходимо учитывать влияние социальных, социально-психологических и индивидуальных факторов [1, с. 117]. Так, занимая определенный социальный статус в обществе в целом и в организации в частности, индивид играет соответствующие роли, которые связаны с установками и ожиданиями самих индивидов относительно занимаемых ими статусов, так и окружающих, членов команды, организации и иных социальных систем, структур и групп. С социологической позиции объяснять действия индивидов мы будем, учитывая социальные и социально-психологические факторы. К социальным факторам мы относим политические, экономические и культурно-исторические. Так, принимая решения, мы ориентируемся на несколько уровней: макроуровень (сложившиеся экономические, политические, культурно-исторические условия; микроуровень (сложившаяся ситуация в управлении в организации, структура организации, особенности организационной культуры и организационного поведения сотрудников компании); индивидуальный уровень (особенности статусного портрета индивида, психологические особенности личности).

Для проведения диагностики уровня конфликтности в организации мы предлагаем следующую карту (см. Таблицу 2.).

Карта диагностики уровня конфликтности в организации

№	Направления диагностики уровня конфликтности в организации	Параметры диагностики уровня конфликтности в организации
1	Трудовые ресурсы компании.	Планирование, набор и отбор персонала организации.
2	Адаптация сотрудников к трудовой деятельности, к трудовому коллективу.	Мероприятия по профессиональной ориентации и адаптации молодых сотрудников. Описание проблем в адаптации. Формальная и неформальная адаптация. Оценка эффективности адаптации.
3	Обучение персонала.	Внутреннее и внешнее обучение. Обучение на рабочем месте. Внешние стажировки.
4	Оценка эффективности деятельности сотрудников.	Внедрение критериев оценивания эффективности деятельности сотрудников компании
5	Система мотивации и стимулирования.	Анализ структуры оплаты труда: базовый и премиальный фонды, персонифицированные выплаты. Наличие социального пакета:

		добровольное медицинское страхование, абонемент в фитнес-центр и прочее. Материальная и нематериальная типы мотивации.
6	Особенности социально-психологического климата в организации и ее подразделениях.	Особенности групповой динамики в компании. Оценка уровня групповой напряженности.
7	Наличие трудовых конфликтов, особенности их регулирования и разрешения.	Выявление причин возникновения конфликтных ситуаций, особенности их регулирования и разрешения. Проведение тестирования сотрудников, ориентированного на выявление предпочтительных стратегий поведения сотрудников в конфликтах.
8	Особенности коммуникации в организации.	Наличие трудностей в построении коммуникации внутри отделов и между частями компании.
9	Особенности корпоративной культуры компании.	Описание особенностей корпоративной культуры. Тип корпоративной культуры. Традиции и правила взаимодействия в компании.
10	Диагностика кадровых процессов в компании.	Повышение, понижение, ротация, увольнение кадров.

Предложенная диагностическая карта позволяет оценить сложившуюся в организации ситуации в контексте групповой динамики, организационного поведения и степени конфликтности.

Особое внимание следует уделять молодым сотрудникам, которые проходят первичную социализацию и адаптацию в компании. В данном случае мы предлагаем проводить следующие мероприятия:

1. Проведение групповых тренингов для новых сотрудников организации. Цель данных тренингов – познакомить молодых сотрудников с историей компании, ее корпоративной культурой, особенностями взаимодействия внутри коллектива, формальными этапами коммуникативных процессов.

2. Курирование молодых сотрудников со стороны руководителя отдела и представителя кадровой службы.

3. Планирование карьеры молодых сотрудников внутри компании. Профессиональное ориентирование и направление их развития.

4. Регулярное проведение тренингов по таким направлениям, как командопостроение, эффективные коммуникации, регулирование и разрешение трудовых конфликтов в организации.

Предложенные рекомендации помогут в разработке программы адаптации молодых сотрудников, что в дальнейшем может благополучно воздействовать на снижение уровня групповой конфликтности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Козлов А.С., Левина Е.В., Эстрова П.А. Конфликтология социальных групп и организаций: Учебное пособие. Изд. 2-е, доп. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 117.
2. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4 изд., испр. и доп. М.: Академический Проект; Деловая книга, 2008. С. 631.

SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG SPECIALISTS AS A FACTOR OF REGULATION AND PERMISSION OF CONFLICTS IN ORGANIZATIONS

Levina Elena V.
PHD in Social sciences, associate professor,
Institute of Business Career

Abstract. *In the present article the author points to a key role of social adaptation of young employees in regulation and permission of labor disputes. Types and levels of adaptation of employees are considered. The diagnostic card of level of conflictness in the organization is offered.*

Keywords: *social adaptation, vocational guidance, regulation and resolution of conflicts, corporate culture, the social status, social expectations, conflictness level in the organization.*

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Шумилова Элина Евгеньевна,
кандидат исторических наук, преподаватель
Московского технологического института
e-shumilova@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу теоретических и методологических подходов к истории повседневности. Автор приходит к выводу, что применение междисциплинарного подхода, основанного на рациональном сочетании различных методов в историческом познании, способствует комплексному изучению феномена повседневной жизни в конкретную историческую эпоху.*

Ключевые слова: *историческое познание, историческая наука, методология истории, повседневность, методы исторического познания.*

История повседневности – относительно новое направление в отечественной исторической науке. В течение продолжительного времени основной интерес для историков представляли политические и социально-экономические процессы, проходившие в нашей стране, будни же «обычного человека» почти не рассматривались. В этом отношении анализ повседневной жизни населения в конкретную историческую эпоху подчеркивает своеобразие как самого исторического периода, так и роли «простого человека» в историческом процессе.

Теоретические подходы к исследованию истории повседневности в исторической науке существенно различаются в зависимости от используемых понятий, методов работы с историческими источниками и их интерпретации. Использование термина «повседневность» в разных контекстах может быть определяющим с точки зрения логики и обоснованности выводов исторического исследования.

Само понятие «повседневность» в исторической науке наиболее детально было раскрыто в исторических трудах представителей школы «Анналов» (Ф. Бродель, М. Блок, Л. Февр), в особенности в работах Ф. Броделя, где большое внимание было уделено не только описанию внешней социальной среды, но и восприятию исторической эпохи и ее культурных проявлений в жизни людей, их отношение к происходящим историческим событиям [1, с. 39-40]. Л. Февр отмечает, что «предмет наших исследований – не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является» [2, с. 26-27]. При этом для изучения повседневности привлекались общенаучные методы

и подходы других гуманитарных наук, что наиболее ярко было отражено в работах западных социологов XX в. А. Шюца [3, с. 129-137], П. Бергера, Т. Лукмана [4, с. 535-538] и др. К пониманию повседневности как структуры, определяющей связи и отношения между эпохой и личностью, а также вниманию к внутреннему миру человека, призывали работы российских ученых и философов И.Т. Касавина, С.П. Щавелева [5], В.Н. Сырова [6], П.Н. Кондрашева [7].

В исторической науке при изучении повседневности также существуют различные методологические подходы, в которых повседневность может быть интерпретирована как взаимодействие макро– и микропроцессов (Б.Г. Могильницкий) [8], а также в контексте поиска достоверной информации о внутреннем мире и восприятии эпохи людьми, отраженной в исторических источниках (А.Н. Медушевский, В.А. Есипова) [9; 10].

Среди множества определений понятия «повседневность» в научной литературе [11; 12] наиболее приемлемым представляется определение П.Н. Кондрашева и К.Н. Любутина о том, что повседневность – это «форма непосредственной человеческой деятельности, представляющая собой совокупность повседневного бытия, то есть того, чем занимаются люди в своей обыденности в целях удовлетворения обычных потребностей трудовых будней и домашнего быта, и обыденного сознания, то есть того, в виде каких мыслей и эмоциональных переживаний это бытие отражается в психической деятельности людей» [13, с. 261-262]. Такой подход обоснованно раскрывает не только социально–исторические условия городской жизни в конкретный исторический период, но и характеризует социальное положение и повседневную жизнь горожан, их восприятие исторической эпохи, которые проявляются как в их трудовой деятельности, так и в формах обыденной жизни, творчества, культуры и самоопределения. Тем самым в таком подходе будут синтезированы как принципы и идеи школы «Анналов», так и общенаучные принципы когнитивного подхода к истории.

Методы изучения истории повседневности определяются особенностями объекта исторического познания – хронологическими рамками исторической эпохи, ее субъектами и общественными отношениями. Структуры повседневности представляют собой взаимосвязанный процесс включенности человека в историческую реальность. При изучении истории повседневности анализируется не только экономическая и социальная среда, определяющая быт и материальные условия жизни людей, но и когнитивные аспекты восприятия ими исторической эпохи, предполагающие, в том числе, анализ социальных и культурных практик, характерных для исторической эпохи. Рассмотрение повседневности как единства объективных и субъективных факторов позволяет применять в научном исследовании комплекс разнообразных научных принципов и методов.

Использование методологических принципов и конкретно–научных методов для изучения истории повседневности базируется на методологических разработках школы «Анналов», исторического материализма и когнитивной истории. Из концепции когнитивной истории в основу исследования может быть положена идея О. М. Медушевской о том, что когнитивная история может исследовать процессы

человеческого мышления по осязаемым, вещественным результатам [9]. Для изучения повседневного быта городов или других территориально ограниченных объектов изучения применяется *локальный подход*, который выступает способом конкретизации общенаучных методов. Задействование локального подхода способствует сужению территориальных рамок при изучении повседневности и позволяет выявить специфические характеристики жизни людей, проживающих в конкретную историческую эпоху [14].

Важнейшими научными принципами при изучении повседневности являются *принципы объективности и принцип историзма*. Объективность предполагает достоверный анализ источников, исключающий произвольные интерпретации и политическую конъюнктуру. Историзм позволяет рассматривать исторические явления и процессы в их взаимосвязи и развитии, с точки зрения их происхождения и многообразия форм проявления.

Междисциплинарный подход, который является важным для изучения истории повседневности, предполагает перенос и применение в исследовании методов из смежных социальных и гуманитарных дисциплин. Применение указанных методов позволяет объективно проанализировать социальные и экономические процессы в историческом познании. Так, при изучении повседневной жизни крупных сибирских городов в период Первой мировой войны нами анализировалось состояние медицинского обслуживания населения, изменения демографических показателей в военный период, тенденции изменения структуры доходов и занятости жителей крупных городов. Для достижения поставленных задач исследования использовались общенаучные (системно-структурный метод, методы анализа и синтеза и др.), а также специальные исторические методы познания (историко-генетический, сравнительно-исторический, проблемно-хронологический и ретроспективный).

Системно-структурный метод позволяет рассмотреть повседневность как единую систему, где каждый элемент взаимосвязан друг с другом, а историко-генетический метод – проанализировать все элементы повседневности в развитии на протяжении заданного промежутка исторического времени (в частности, восприятие населением Западной Сибири событий Первой мировой войны рассматривается на протяжении трёх лет – с 1914 по 1917 г., что позволяет увидеть различия такого восприятия в разные промежутки времени). Сравнительно-исторический метод позволяет произвести поиск сходств и различий у исторических явлений в разных временных и географических условиях. Так, например, применение сравнительно-исторического метода было актуально для определения состояния медицинского обслуживания в сибирских городах, а также анализа уровня заработной платы населения в годы Первой мировой войны. Ретроспективный метод способствует установлению причинно-следственных связей между событиями, в частности позволяет проанализировать поведение конкретных людей в историческом процессе.

Подводя итог, следует отметить, что акцент на микроисторических процессах повседневной жизни в конкретную историческую эпоху на фоне глобальных исторических событий, определяющих закономерности государственной политики

и реакции локальных сообществ на соответствующие решения органов власти, становится способом всестороннего и объективного анализа любой исторической эпохи. Повседневность восполняет недостающие штрихи исторической эпохи, когда внешние исторические события уже получили научное освещение и обоснование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. М., 1986. Т. 1: Структуры повседневности.
2. Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
3. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социол. исследования. 1993. № 2. С. 129–137.
4. Бергер П., Лукман Т. Повседневная жизнь и религиозный опыт // Религия и общество: хрестоматия по социологии религии. М., 1996.
5. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004.
6. Сыров В. Н. О статусе и структуре повседневности (методологические аспекты) // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. С. 147–159.
7. Кондрашев П. Н. Исторические структуры повседневности: попытка марксистского анализа. Saarbrücken, 2012. С. 146–156.
8. Могильницкий Б. Г. Макро– и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2009. № 2 (6). С. 14–21.
9. Медушевский А. Н. Когнитивно–информационная теория в современном гуманитарном познании // Рос. история. 2009. № 4. С. 3–22.
10. Есипова В. А. «В гостях у томичей» – рукопись начала XX в. о Томске // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 371. С. 84–91.
11. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб, 2002.
12. Шубина М. П. О понятии и природе повседневности // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 42. С. 55–62.
13. Любутин К. Н., Кондрашев П. Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург, 2007.
14. Такой подход применяется, в частности, при изучении истории Первой мировой войны. См.: Шумилова Э.Е. Продовольственное обеспечение в крупных городах Западной Сибири в июле 1914 г. – феврале 1917 г. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 69–72.

EVERYDAY LIFE HISTORY THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Shumilova Elina E.
PhD in History sciences, Lecturer,
Moscow Technological Institute

Abstract. *The paper is devoted to the analysis of theoretical and methodological approaches to the history of everyday life. The author concludes that the use of an interdisciplinary approach based on a rational combination of different methods in historical knowledge contributes to a comprehensive study of the phenomenon of everyday life in a particular historical era.*

Keywords: *historical cognition, historical science, methodology of history, everyday life, methods of historical cognition.*

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ АЛЕКСЕЕВСКОЙ РОССИИ

Талина Галина Валерьевна
доктор исторических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории Института
социально-гуманитарного образования
Московского педагогического
государственного университета
gv.talina@mpgu.su

Аннотация. *Статья посвящена проблемам функционирования и взаимодействия выборного и назначаемого элементов в системе местного управления России III четверти XVII века – времени правления царя Алексея Михайловича. Показаны, с одной стороны, оптимальность системы губного и земского управления для исконно русских территорий, с другой, - общая тенденция усиления воеводского управления. Последнее способствовало выстраиванию абсолютистской, иерархической системы власти и управления страной в целом. Анализируется различия в управлении новыми территориями, такими, как Сибирь, крепости Юга.*

Ключевые слова: *Россия, управление, самоуправление, губные и земские избы, воеводы.*

На протяжении всего XVII века на местах функционировали и взаимодополняли друг друга три основных звена: воеводское, губное и земское управление, из которых два последних носили выборный характер. При этом в системе местного управления выборные элементы не утратили свою роль на протяжении всего XVII столетия. Выборное губное и земское управление непосредственно воеводам не подчинялось. Царствование Алексея Михайловича – самое продолжительное и стабильное с точки зрения введения новшеств при их сочетании с традиционными элементами управления позволяет проанализировать взаимодействие разных элементов системы местного управления, увидеть черты, присущие начальному этапу абсолютизации России.

Губные учреждения возникли еще в 30-40-е годы XVI столетия и просуществовали до 1702 года. Наибольшее распространение они получили в центральных регионах России и северо-западных уездах, где преобладало землевладение светских феодалов. Во главе губной избы стоял губной староста. Он избирался из детей боярских и дворян. При этом выборы должны были производиться всеми сословиями данной местности, а выборы губного старосты только дворянами и детьми боярскими были исключением. Губной староста утверждался на должность в Разбойном приказе. В губную избу входили губные

целовальники (второе лицо в губном аппарате), дьячки, рассыльщики, тюремные старосты, палачи, биричи. Повинность в виде выборов целовальников была распространена на все категории крестьян (церковных и монастырских, поместных и вотчинных земель). За исполнение своих функций выборные должностные лица жалования не получали, хотя и были случаи государственной финансовой поддержки губных старост. Срок пребывания на губных должностях не был ограничен, эти должности на много лет, иногда – с перерывом, закреплялись за определенными лицами. Это создавало условия как для сосредоточения в руках старост больших полномочий, так и для злоупотреблений. Борясь с негативными тенденциями, правительство еще в 1640-е годы настаивало на проведении перевыборных кампаний: в ряде городов произошло обновление состава губных изб [8, с. 8-10].

В компетенцию губных учреждений входили розыскной и судебный процессы, сыск беглых, фискальные функции, дозор земель, отказ и отдел поместий и вотчин, решение поместных споров, сдача в наем пашенных и сенных покосов, межевание земель. Губные учреждения в силу своего функционала взаимодействовали с Разбойным, Поместным приказами, приказом Холопьяго суда и рядом других.

Получив большее распространение в центральных и северо-западных уездах России, губное управление функционировало и на юге, но с большими ограничениями и своими особенностями. Данная территория была подвержена острой внешней опасности. По составу населения и специфике управления территории юга можно разделить на две зоны. Первая обладала традиционной структурой населения, в состав которого входили как мелкие служилые люди, так и значительное количество крестьян. Здесь, как и в России в целом сочетались управленческие и самоуправленческие элементы – губное управление и воеводская власть. Вторая характеризовалась преобладанием мелких служилых людей. Эти земли располагались на крайнем юге тогдашней России, включали новые города, построенные во второй трети XVII века. Данные земли были подведомственны Разрядному приказу, для которого в силу особых, подчас чрезвычайных обстоятельств функционирования территории преимущественным представлялось воеводское управление. Функции, традиционно принадлежащие губному самоуправлению, и в первую очередь, розыск разбойников осуществлял именно воевода [2].

В ходе Реформ Избранной Рады середины XVI века сложились земские учреждения. Земская реформа стала естественным продолжением губной реформы и затронула посады и волости преимущественно с черносошным населением.

Во главе земских изб стояли земские (посадские) старосты, избиравшиеся всеми посадскими людьми на 1 год с 1 сентября (начало нового года в XVII веке). Посадские люди несли полную ответственность за избранное лицо. При Земской избе находились земские целовальники, дьячок, сторожа, мирские посыльщики, рассыльщики. Со сменой земского старосты обновлялся и штат Земской избы. Должностные лица выбирались из среды посадского населения и зажиточных слоев

черносошного крестьянства. К работе земских изб привлекались выборных сотские и пятидесятские.

Функции земских изб состояли в раскладке и взимание податей; взимание различного рода пошлин (с дворов, амбаров, кабацких, таможенных); сборе недоимок; доставке в Москву собранных денежных средств; сборе и распределении мирских денег (шедших на содержание штата Земской избы, воеводского двора, приказного аппарата в городах, жалование губным дьячкам и целовальникам, служилым людям); контроле за посадской землей (дворовыми и лавочными местами, огородами) и актами купли-продажи; организации строительства и ремонта воеводского, земского и губного дворов; участие в сыске и расспросе посадских и уездных людей и прочее [8, с. 5-8].

Во второй половине XVII века, когда стали усиливаться абсолютистские начала в государственном управлении, правительство сделало ставку на дальнейшее развитие ранее сложившегося механизма, состоявшего из двух начал, на сочетание самодержавно-приказных и сословно-представительных выборных тенденций. В этот период закрепилось такое понятие как «государева мирская служба» или «городовая служба», в качестве которой рассматривалась деятельность посадских и уездных людей, частновладельческих крестьян на таких выборных должностях как целовальники, дьячки, ларечные, сотские, пятидесятские, десятские. Правительство стремилось отрегулировать «мирскую службу», все более требовало установить очередность в выборе посадских людей, боролось с тенденциями многолетнего пребывания на должностях губных старост и целовальников одних и тех же людей, передачи выборных должностей по наследству. Контроль за регулярностью выборных мероприятий со стороны государства в этот период стал все более организованным. В царских грамотах середины 1650-х годов появляются требования оформлять выборы документально, приводить выборных к кресту, собирать с нововыборных крестоприводные, выборные и печатные пошлины и присылать их вместе с выборными списками в Москву. Устанавливались и конкретные размеры печатных пошлин: полтина – с губных целовальников, по полполтины – с дьячков и сторожей. Правительство требовало, чтобы в приказы были отправлены именные списки выборных лиц с указанием должности и выплаченной суммы каждым должностным лицом. Такая политика приводила к тому, что выборные должности в местном управлении нередко рассматривались теми, кто их должен был исполнять, как слишком разорительные. Итогом становились челобитные об освобождении от выборных должностей [7, с. 407-416].

Воеводское управление как уездное звено в системе органов государственного управления России, появившись еще в период правления Ивана Грозного и окончательно закрепившись при царе Михаиле Федоровиче, состояло из городских воевод, возглавлявших вместе с дьяками приказные и съезжие избы. Во второй половине XVII столетия развитие данного управленческого звена привело к появлению в больших городах подчиненных воеводам приказных палат.

В вопросе о зарождении системы воеводского управления (появления института воевод-администраторов) исследователи делятся на два лагеря. Первые (традиционная точка зрения) видят причину возникновения и развития института в территориальном расширении Русского государства во второй половине XVI в., в особых задачах правительственной политики на окраинах. Одним из первых опытов организации воеводского управления считают Казанский край (Среднее Поволжье), к началу XVII века система распространилась по всей России [5]. Вторые справедливо задаются вопросом: почему воеводское управление распространилось не только на окраинах, но и на всей территории страны.

Исследователи отмечают, что воеводство постепенно заменило упраздненный институт наместников-кормленщиков, а его развитие было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI - начале XVII в. [11, с. 239-249; 1].

Хотя кормленщики ушли в прошлое, проблема, по-прежнему обсуждаемая в современной историографии, и ставящаяся на материале разных регионов (от Новгорода до Сибири) - черты наместнического управления (кормленческие традиции) воеводства. С одной стороны, в исторической литературе закрепилось мнение о главном отличительном признаке воеводского управления по сравнению с наместническим – бюрократическом характере и подконтрольности центральным приказам. Воеводам не давались, характерные для наместников грамоты с правом собирать часть государственных доходов в свою пользу. Т.о. уезд, управляющийся воеводой, не может рассматриваться как временно пожалованная вотчина. На практике воевод содержало местное население. Встает вопрос о том, насколько законны поборы и повинности в пользу воевод, каков характер.

Среди всех современных исследований можно выделить несколько отличных точек зрения. 1) Имели место не пережитки наместническо-кормленческой системы, а сеньоральная эксплуатация (частнохозяйственная эксплуатация черносошных крестьян и иных категорий населения), свойственная устоям феодализма в целом [15]. 2) Подношения XVII в. носили переходный характер от наместничьего кормления XV-XVI вв. и подношений последующего времени, что отражало переход управленческой модели от средневекового управления к бюрократическому [12, с. 130-163]. 3) Содержание населением воевод XVII в. принципиально неотлично от наместничьего кормления XIV-XVI вв., а утверждение о ликвидации системы кормления в середине XVI в. ошибочно [4]. 4) Обогащение воевод связано как с сохранением традиций кормления, так и со спекуляциями, взятками, проявлением насилия. При этом государственная политика назначения на воеводство обоснована желанием поддержать материальное благосостояние данной категории. Центральные органы не предпринимали кардинальных мер по пресечению кормленческой практики [1].

Развитие воеводского управления способствовало выстраиванию четкой иерархии центрального и местного управления. Воеводы назначались Разрядным приказом, утверждались царем и Боярской думой, подчинялись приказу, ведавшему

городом. Разряд составлял росписи воеводам и приказным людям. Четко установленных сроков пребывания на воеводских должностях не было, чаще всего воевода исполнял свои обязанности 2-3 года. Немалую роль в закреплении воеводы на его должности играли отношения с местным населением.

В XVII веке развивалась тенденция установления разрядов, объединявших несколько уездов. Другими словами, создавались военно-административные округа. В таких разрядах выделялся основной («большой») город и города, подчиненные ему («пригороды»). Соответственно, происходило и разделение воевод на разрядных и подчиненных им уездных. Еще Г.К. Котошихин отмечал, что в Великий Новгород, царства Казанское, Астраханское, Сибирское, государство Псковское, княжества Смоленское, Полоцкое, и тех государств в первые города посылают воевод бояр и окольников, с ними товарищи: с боярами - окольное, стольники и дьяки; с окольными – стольники и дьяки. Во все перечисленные города одновременно назначали два или три воеводы. В пригороды (города, что подчинены большим городам) посылали воеводами «дворян и детей боярских из Москвы» [9, с. 148-149]. Поскольку уездных воевод было гораздо больше, нежели разрядных, то основная часть воевод формировалась из стольников и дворян «средних статей».

Разницу положения разрядных и уездных воевод четко отразила практика дачи им наказов. Наказ содержал инструкции правительства, адресованные вновь назначенному воеводе. Наказ разрядным воеводам давался в Разрядном приказе на основании «Соборного уложения», наказ уездным воеводам давался разрядными воеводами, и лишь в некоторых случаях так же в Разрядном приказе. При получении наказа в приказе подчиненные воеводы были обязаны являться к главному воеводе, предъявлять ему государев наказ или грамоту, и только после его разрешения ехать на место службы.

В оформлении текущей документации, исходившей от разрядных и уездных воевод, также существовали различия. В своей повседневной служебной деятельности уездные воеводы должны были руководствоваться указаниями из главного города, посылать туда отписки о своих городских делах. О тех делах, которые уездный воевода должен был решать сверх наказа, о непредвиденных ситуациях он был обязан отписывать разрядному воеводе. В отличие от уездного воеводы разрядный имел право напрямую сноситься с высшей властью. Он посылал отписки в Москву по всем вопросам, выходящим за рамки компетенции местной власти [10, с. 374].

Воеводская должность, в отличие от должностей системы самоуправления, оплачивалась из государственной казны.

Исследователи прослеживают постепенное усиление воеводской власти при расширении функционала. Наиболее доказательно данный вывод представлен на материалах Сибири. Уже с начала XVII столетия основными функциями воевод становятся финансово-хозяйственные (сбор ясака, выплата жалование служилым людям, развитие торговли и промышленности - строительство гостиных дворов, сбор торговых пошлин, обеспечение служилых людей и переселенцев

продовольствием, заведение пашни, организации солеварения, строительство дорог, соединявших азиатскую и европейскую часть России). Одновременно воеводы наделялись административно-судебной юрисдикцией. На протяжении всего XVII века воеводы выполняли судебные, контрольные, фискальные, военные функции [13; 14].

Усиление военных функций воевод диктовалось задачами как внешней, так и внутренней безопасности периода, насыщенного постоянными войнами и антиправительственными общественными выступлениями. Усиливающееся государство требовало механизма для защиты своих интересов в каждом отдельном уезде на всей огромной территории тогдашней России. В подчинении воеводы находились вооруженные силы, размещенные на данной территории, и все более принимающие постоянный характер. Воевода начальствовал над дворянско-поместным ополчением своего города и уезда, контролировал обучение ратных людей военному строю, устраивал им смотры, наказывал за проступки, занимался пополнением полков. В его обязанности входила укрепление и оборона подчиненного города. В случае нападения извне или внутренних «возмущений» воевода выступал в поход сам или посылал товарищей и подвластных лиц, по мере необходимости запрашивая подкрепление из центра или соседних территорий. Пограничные воеводы должны были «покорять» соседние области и устраивать управление ими с помощью своих ратных людей [16, с. 15].

Приказная изба – штат чиновников, подчиненный воеводе, его основной инструментарий в управлении. Содержание этого аппарата меняется от первой ко второй половине XVII века. На материале Севера (Поморья) в первой половине XVII столетия прослеживается активное участие посадских и крестьянских общин в оплате труда подьяческого звена. Во второй половине века жалование подьячим – задача казны, что отражает постепенную централизацию управления. Южнорусская приказная изба во второй половине XVII в. обеспечивалась государством. Подьячие получали поместье и денежное жалованием, но роль первого невелика (большинство подьячих-землевладельцев – однодворцы). Денежное жалование выплачивалось нерегулярно, из такого нестабильного источника, как местные неокладные доходы, основной доход подьячие получали «кормлением от дел», передвигались в поисках заработков [6; 15].

Четкого разграничения функций воеводского управления и выборных органов местного управления не существовало. Так судебная компетенция воевод зависела от наличия в уезде других судебно-следственных учреждений, например, губных. При решении земельных споров воеводы были вынуждены привлекать губных старост, так как те были более компетентны в этих вопросах. Если в городе в тот или иной период отсутствовал воевода, все дела принимал губной староста.

Даже на юге России, где губное управление было развито не везде, а воеводское достаточно сильно при подчиненности старост и воевод разным центральным ведомствам до конца 1670-х гг. исследователи не отмечают конфликтов между Разрядом и Разбойным приказом. В сфере губного права Разряд

не вмешивался в компетенцию Разбойного приказа, ведомства координировали свою деятельность. С точки зрения Разбойного приказа фигура губного старосты обладала рядом преимуществ. В отличие от воеводы, назначаемого на короткий срок, он был местным дворянином или сыном боярским, знал и местные условия, и людей. Отсутствие конфликта между центральными ведомствами не означало отсутствия конфликтов между воеводами и губными старостами. В наказах воеводам, выдававшихся Разрядом, на них возлагалась ответственность за розыск разбойников и татей, создавались условия для вмешательства воевод в дела губных старост. Это и служило основной причиной конфликтов. Управление и самоуправление были взаимозависимы. Необходимость пыток при задержании разбойников требовала от воевод их передачи в губные избы, с одной стороны. Необходимость доставки разбойников требовала военного эскорта, старосты были вынуждены обращаться к воеводам, в ведении которых находились необходимые для дела стрельцы и казаки [2].

Более стабильное, нежели губное, земское самоуправление обладало правом напрямую связываться с центром, посредством челобитных ходатайствовало о смене неугодных воевод и губных старост.

Земские органы в значительной степени контролировали состав подчиненной воеводе съезжей избы, поскольку работавшие здесь подьячие не только присылались из Москвы, но и выбирались из числа посадских людей. Земские органы по своему усмотрению могли отставить того или иного подьячего от дел, отказаться от выборов в съезжую избу новых подьячих. Приказные люди зависели от земских учреждений и в вопросах обеспечения. В съезжую избу могли привлекаться в случае отсутствия дьяка земский или губной дьячок.

Главным арбитром и регулятором отношений самоуправления и воеводского управления выступала центральная власть. При возникновении нередких между ними спорных ситуаций практический выход из них указывали царские грамоты. В целом, дополняя друг друга воеводы, губные и земские учреждения создавали условия для реализации царской политики на местах, обладали достаточно высоким уровнем компетентности, немалым штатом. Неподчиненность системы самоуправления воеводам давала возможность дополнительного контроля над ними со стороны высшей власти. Путь, предложенный русским правительством во второй половине XVII века, был направлен на интеграцию выборной практики в формирующуюся бюрократическую систему управления [7, с. 415].

Говоря о взаимоотношении воеводского управления с губным и земским самоуправлением, не стоит забывать о том, что Россия в XVII веке разрасталась, в ее состав входило множество нерусских народов с принципиально иной ментальностью и системой организации власти. Шел процесс колонизации. На территориях, изначально заселенных нерусским населением, количество русских постепенно и неуклонно увеличивалось. Они приносили свои традиции, свою систему и принципы самоуправления. В итоге в целом ряде новых регионов Российского государства традиционная схема взаимодействия воевод, губных и

земских изб дополнялась взаимодействием всех данных учреждений с местными органами самоуправления.

Так в Сибири уже в конце XVI – начале XVII вв. формировалась система приказного управления краем и система воеводства. С началом колонизации появились крестьянские миры, затем посадские органы управления, а у служилых людей - «войско». Отдельно от них стояло инородческое управление. В этот период русское правительство не вмешивалось во внутреннее устройство племен. Пока его основной задачей был сбор ясака с опорой на родоплеменную знать. С середины XVII века на протяжении царствования Алексея Михайловича и после него роль приказной, воеводской, мирской системы управления все более расширялась, наступал период ее расцвета. В этой традиционно русской системе места родоплеменной знати более не находилось. Она стала утрачивать свои функции, которые постепенно переходили к русской администрации. Местные княжеские роды уже не использовались воеводским управлением в своих целях, они сходили на нет, а вернее низводились до рядовых ясачных людей. Вместо лучших людей племени русская администрация становилась высшей судебной инстанцией, к ней же переходила функция сбора ясака. Территории, изначально занимаемые автохтонным населением, постепенно сокращались. На их месте строились новые русские города. Одновременно с этим политика русского правительства в третьей четверти XVII столетия сохраняла ряд прежних устоев. Запрещалось крестить инородцев. («Новокрещены» выходили из состояния ясачных людей и переставали платить ясак), что считалось невыгодным.

С середины XVII века в Сибири усиливалась роль мирского самоуправления. Во многом она объяснялась слабостью центральных властей на столь отдаленных территориях. Миры по отношению к воеводам становились компенсаторами недостатков центральной приказной системы. Однако утверждать, что данный процесс происходил без ведома центра, не приходится: миры действовали в границах тех прав и полномочий, которые предоставлял (позволял взять) центр. Мирские общины Сибири могли подать челобитную центральной власти на воевод или приказчиков, обвинив их в «государевом деле» или даже отстранить их от власти. Центральные власти поддерживали это право миров, нередко проводя по этим челобитным сыски, отстраняя воевод или приказчиков от власти. Нередки и обратные просьбы населения об оставлении воевод на следующий срок [13; 14].

Иную систему местного управления можно наблюдать в южных крепостях. Предпринятое в последнее время исследование Острогжского уезда позволяет показать специфику управления отдельными территориями юга России на данном примере. После битвы под Берестечком 1651 г., поражения украинских войск и подписания Белоцерковского договора, начался переход украинского населения в Россию. Причина крылась в уменьшении реестровых казаков, ограничении территории проживания. В марте 1652 г. наказный полковник Черниговского полка И. Дзиньковский вместе с двумя тысячами человек пришел в Путивль «на вечное жить». Они были размещены на р. Тихой Сосне в новом городе Острогжске,

получив земли и деньги на обустройство хозяйством. Россия предоставила новым подданным право сохранить традиционный уклад и полковое устройство. При их помощи Россия защищала один из мало укрепленных участков Белгородской черты. В итоге в Острогожске с 1652 г. действовали два руководителя – воевода и черкасский полковник. Такая система сохранялась до начала XVIII века. В начале 1660-х годов началось, а к концу десятилетия завершилось формирование Острогожского полка. Его руководители подчинялись воеводе Белгородского полка и Разрядному приказу. Полковник возглавлял полк в период военных походов. Черкасы в правление Алексея Михайловича участвовали в войне с Речью Посполитой (1654-1667), с Турцией (1673-1681).

Пример Острогожска – пример взаимодействия гражданских и полковых воевод на одной территории. Здесь, так же, как и на других территориях Русского государства действовало гражданское воеводское управление с достаточно широкими полномочиями.

Полномочия полковых воевод были достаточно широки. Они направляли ратных людей для охраны Изюмской черты, устанавливали очередность службы, осуществляли надзор за раздачей жалования за военный поход, выдавали разрешения черкасам на отправку челобитчиков в Москву, на перевыборы сотников, участвовали в вынесении приговоров при осуждении преступников. Полковник контролировал специальные полковые сборы на жалование писарю, священнику, музыкантам, знаменщикам и пр. В исключительном его ведомстве находились дела о татьбе, разбоях, убийстве среди полковых черкас, он рассматривал и гражданские иски, руководил действиями сотников в судебных производствах.

Острогожский воевода руководил обороной города, строительством и ремонтом укреплений, собирал сведения о дислокации, замыслах, численности противника, оповещал соседних воевод о действиях татар, мобилизовал служилых людей для отражения вражеских нападений, производил допросы и пытки пленных. При необходимости для отражения татарских нападений острогожские воевода и полковник объединяли свои усилия. Помимо этого воевода был проводником налоговой политики правительства, следил за взиманием оброчных денег (включая оброк с черкасского полковника), пошлин, направлял собранную сумму в зависимости от их назначения в Разряд, Приказ Большой казны или Белгород, надзирал за выбором окладчиков, контролировал действия голов воеводской администрации, вел учет хлебных и соляных запасов.

Совместно воевода и полковник действовали при пожарах, эпидемиях, в надзоре за фальшивомонетничеством, выполняли ряд обязанностей по упорядочиванию землепользования, имели право наделять землей подчиненных им людей, зачислять на службу.

В целом для царствования Алексея Михайловича характерна тенденция развития функционала и усиления воеводского управления. Благодаря данному институту складывалась вертикаль (иерархическая система) власти в России. Наверху стоял царь, по собственному желанию привлекавший к решению дела Боярскую или Ближнюю думу. Под государем располагалась разветвленная система

приказов. На местах действовали воеводы. Величина территории и населения государства, сложившиеся традиции в период объединения и централизации земель предполагали активное привлечение самоуправленческих структур, хорошо знавших местную специфику, способных быть средством контроля по отношению к воеводскому управлению.

Для территорий, исконно принадлежавших государству, и территорий с преобладающим русским населением оптимальной формой являлось губное и земское управление. Для колонизируемых территорий практика привлечения местной племенной аристократии, распространенная на начальных этапах процесса вхождения земель в Россию, в правление Алексея Михайловича все более заменялась традиционной практикой Московского царства – мирским управлением. Иначе обстояло дело в тех пограничных уездах, где основной контингент составляло служилое население, иррегулярные части русского войска, постепенно трансформировавшегося в армию. Выборное военизированное самоуправление при заинтересованности правительства в его услугах и развитии налаживало отношения с гражданскими воеводами и их администрацией. Без стычек и конфликтов (иногда на национальной, чаще – на имущественной почве) дело, конечно не обходилось, но сама система соединения гражданского и военного воеводы на беспокойной приграничной территории с постоянной угрозой нападения себя не только не изжила, но и продолжала развиваться.

Россия имела стержневой вектор развития системы местного управления, который не отрицал разного рода исключений для новых территорий. Эта практика сохраниться не только в XVII веке, но и в последующие столетия существования Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998.
2. Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в конце XVI – XVII вв.: Губные старосты и губное дело. Дисс. д-ра ист. наук. Воронеж, 2002.
3. Гоголева А.А. Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городские воеводы и черкасские полковники. Дисс. канд. ист. наук. Воронеж, 2005.
4. Енин Г.П. Воеводское кормление в России в XVII веке. Содержание населения уезда государственного органа власти. Спб.: Российская национальная библиотека, 2000.
5. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII в. Казань, 1982.
6. Камараули Е. В. Южнорусская приказная изба как учреждение местного управления во второй половине XVII века. Диссертация канд. ист. наук. Воронеж, 2006.
7. Колесников Е.А. «Мирская служба» в системе государственного управления второй половины XVII в.// Судьба России в современной историографии.

- Сборник научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина. М., 2006. С. 407 – 416.
8. Колесникова Е.А. Местные органы власти в России после Смуты (1613-1645 гг.). Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 1995. С. 8-10.
 9. Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 148-149.
 10. Маркевич А.И. История местничества. Одесса. 1881. С. 374.
 11. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 239-249.
 12. Седов П.В. Подношения в системе воеводского управления Новгорода XVII в. // Новгородский исторический сборник. № 7(17). СПб., 1999. С. 130-163.
 13. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI - начале XVII вв. Дисс. канд. ист. наук. Нижневартовск, 2002.
 14. Шаходанова О. Ю. Центральные и местные органы управления Западной Сибирью в конце XVI - начале XVIII века. Дисс. канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
 15. Швейковская Е.Н. Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М.: Археографический центр, 1997.
 16. Шпрингель В.А. Борьба абсолютизирующегося государства с антиправительственными выступлениями на примере движения под предводительством С. Разина. Автореферат дисс. канд ист. наук. М., 2006, С. 15.

LOCAL GOVERNMENT AND SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA UNDER ALEXEY MICHAILOVICH RULE

Talina Galina V.
Doctor of History Science, Professor,
Acting Chair of History of Social
and Humanitarian Education Institute
of Moscow State Pedagogical University

Abstract: *The article deals with the problems of functioning and co-relation between elective and appointed elements in the system of Russia local government in the 3 quarter of the XVII century – the period of Tsar Alexey Michailovich rule. Here are depicted, on one hand – the optimal character of guba and zemstvo governments for traditional Russian territories, on the other hand – the general tendency of voevoda governments' reinforcement. The latter contributed to the formation of absolutist hierarchic system of power and government in the country in general. The differences in governing new territories are analyzed, such as in Siberia and Southern fortresses.*

Keywords: *Russia, government, self-government, guba and zemstvo izbas, voevoda.*

ОНТОЛОГИЯ ПРАВА В ЕЕ СООТНОШЕНИИ С РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ (РЕЛИГИОЗНОЙ) МЕТАФИЗИКОЙ

Беляев Максим Александрович,
кандидат философских наук,
научный сотрудник
Института государства и права РАН
yurist84@inbox.ru

Аннотация. *Статья посвящена онтологическому аспекту юридической философии. Моделирование правовой реальности не обходится без обращения к категории «сущность». При этом, если в центре правовой реальности стоит именно человек, а не обезличенная система норм, то философско-правовые суждения оказываются сходными с религиозными по признаку фундаментальности. Борьба с реалистическими тенденциями в философии права рассматривается автором как ведущая тенденция современности. На примере концепции Хабермаса показаны достоинства и недостатки подобного рода проектов.*

Ключевые слова: *реализм, метафизика, сущность права, Хабермас, дискурс.*

Под онтологией я буду понимать систему понятий, моделирующих действительность, точнее, определенный ее фрагмент. Идея абстрактного моделирования состоит в том, что выявляемые в предмете сущности, их свойства и отношения переводятся в знаково-символическую форму с сохранением той конфигурации, в которой они, как представляется исследователю, находятся друг с другом на самом деле. Т.к. законы соотношения частей внутри целого неизменны, глядя на модель, можно понимать, что происходит в предмете [3].

В любом отношении человека к миру онтологический компонент присутствует неустранимо. Его можно выделять не только в разнообразных теориях, но и в пространстве обыденного сознания, ориентируясь на речевое выражение последнего. В самом деле, любая фраза на любом естественном языке, сказанная кем-либо, может рассматриваться как модель отношения между некоторыми сущностями. В этом смысле она абстрактна и формальна, и может применяться многократно к разному (конкретному) содержанию.

Из сказанного следует, что онтология есть компонент любого дискурса: научного, мифологического или политического. Философия права не является исключением. Если вы хотите рассуждать о том, чем занимаются юристы, вам не обойтись без понятий, выполняющих моделирующую функцию. Для одного автора этот набор понятий будет одним, для другого – иным, хотя в какой-то части эти наборы обязательно пересекутся, ведь очевидно, что такие понятия как

«авторитет», «правило», «санкция», «иерархия» принадлежат всякой философии права, поскольку если элиминировать любое из них, предмет рефлексии будет утрачен. В самом деле, правила немыслимы без санкций, порядок – без авторитета и пр. Это же верно в отношении менее специальных понятий, таких как «территория», «персона», «документ» и др.

Сделав ряд предварительных разъяснений, я постараюсь раскрыть два важных, с моей точки зрения, тезиса, а именно:

(а) несмотря на то, что философско-правовые системы имеют различную степень пересечения с метафизическими системами, генеральной тенденцией современности является высвобождение онтологии из области влияния реалистической метафизики, что верно и для философии права;

(б) поскольку устранение метафизики из философии права никогда не бывает полностью успешным, генеральной тенденцией современности является вытеснение вопроса о природе тех или иных онтологически значимых понятий за пределы философско-правовой рефлексии.

Надо разъяснить, что имеется в виду под реалистической метафизикой, и почему ей неустранимо присущ религиозный компонент. Немного упрощая, можно сказать так: метафизика – это тоже абстрактное моделирование действительности, но от всех иных онтологий она отличается статусом своих суждений. Когда мы моделируем ту или иную предметную область, мы обязательно исходим из двух философских установок:

(1) наше познание центрировано вокруг субъекта и его деятельности, следовательно, мы имеем дело только с предметами, и никогда – с объектами;

(2) хорошая модель – это модель с явно обозначенными границами применимости.

Метафизика отбрасывает оба названных принципа: во-первых, не берет в расчет деятельность (волю и разум, а также, соответственно, коммуникацию), а во-вторых, отказывается от самоограничений. Метафизический дискурс хочет быть вне времени (ради того, в частности, чтобы и время включить в число предметов), а значит, не может говорить о деятельности, поскольку говорить о деятельности – это иметь в виду неких деятелей, а вне времени может существовать только один деятель, которому ничто не противоположно. В итоге мы имеем такую систему понятий, в которой стерта всяческая субъективность (когда признается существование лишь одного субъекта, это эквивалентно тому, чтобы не признавать субъектов вообще), а также отсутствуют всяческие границы применимости.

Невозможность претензий, надо отметить, не влечет за собой невозможности метафизических систем или их идейной неопределенности. Напротив, метафизические системы, как правило, весьма содержательны. Достаточно вспомнить идею блага Платона или категориальную систему Аристотеля, «Сумму теологии» Фомы Аквинского или «Бытие и время» Мартина Хайдеггера. Важно, что эта философская определенность всегда предполагает и предельность.

Категориально границей метафизики всегда служит сущность. За сущностью философ обычно закрепляет нетривиальные свойства. Она, как повелось со времен Платона и Аристотеля, есть не просто «единоличный владелец» всех своих предикатов, но и нечто неизменное. С отдельными свойствами предмета может происходить все, что угодно: они могут изменяться, искажаться, исчезать и заново возникать и пр. Но сущность подобных трансформаций претерпевать не может по определению. Это означает, что никакой факт не может подтвердить, с одной ли сущностью мы имеем дело в разные моменты времени или нет. Единство сущности (или непрерывность опыта взаимодействия с ней) может быть усмотрено только интуитивно – других способов не придумано. При этом та или иная концепция может апеллировать к разным уровням усмотрения: к примеру, если считать сущностью права (закона человеческого) конкретизацию закона божественного, то, поскольку последний достаточно хорошо известен (т.е. известен в той мере, в какой это отвечает замыслам Создателя о людях), сила интуиции правоведа, требуемая для моделирования соответствующей реальности, относительно невелика. Чуть больше споров может вызывать установка, делающая сущностью объективного права (законодательства) субъективные права. Но в случае, например, «основной нормы» Г. Кельзена утверждать со всей определенностью, в чем заключается основная идея права, довольно трудно, едва ли не труднее, чем вслед за Л.И. Петражицким говорить о природе императивно-атрибутивных эмоций. Дискурсы философии права, поэтому, в разной степени обращены к категории сущности.

Между тем, философская «работа», выполняемая ей, проста. Логически ясно, что различные совокупности фактов могут быть объединены только чем-то нефактическим, т.е. трансцендентальным, не зависящим от серии наблюдений и вообще субъективных способностей. Это объединяющее начало должно стабилизировать смысл относительно изменений единичного опыта. Должно иметься такое единство, из которого могли бы «выпадать» отдельные факты, не принося этим ущерба целому, как, например, сущность человека не может поменяться от того, что какой-либо индивид не вполне этой сущности соответствует или выбывает из очерченного ей круга явлений. Поэтому, отвечая на вопрос о природе чего бы то ни было, метафизика всегда занимает реалистскую позицию. Номиналистическое же единство никогда не бывает полноценным: любое изменение его состава ставит под вопрос существование целого (поэтому на номиналистической основе нельзя построить ни одной научной дисциплины, даже абстрактной). Резюмируя, можно сказать так: всякое реалистическое суждение метафизики, чтобы быть исходной основой других суждений, должно стать предметом веры.

Очевиден ли религиозный характер этой веры? В случае оснований математики, видимо, нет, а в случае оснований права – скорее да. Если уходить от строгого нормативизма, то правы те исследователи, которые видят в центре правовой реальности человека, причем в меньшей степени его социальную роль («абстракт, присущий отдельному индивиду»), но в большей степени энергии его

сущности, т.е. творческие действия [2]. И поскольку энергии тоже должны быть опознаны как принадлежащие кому-то, не сводимому к множеству отдельных свойств, то понимание одним человеком правосубъектности другого не имеет под собой фактической основы, а имеет основу трансцендентную, ровно такую же, какой обладает религиозное мировоззрение.

Философия права часто развивалась именно на базе метафизики, вырастая из общей ненаблюдаемой идеи. Однако, чем больше свойств правовой нормы приходилось брать в расчет, тем труднее оказывалось согласование новых научных результатов с фундаментальными предпосылками. Возьмем, к примеру, школу естественного права. Если природа человека лежит в основании законодательства и как исток его, и как критерий качества, то почему иногда закон, отступающий от этих ориентиров, оказывается более эффективным и действенным? Ведь природа человеческая в таких случаях должна оказывать заметное сопротивление законодателям, активное либо пассивное. И как объяснить все новые и новые т.н. «поколения прав человека» (соматические права и пр.), о которых говорят исследователи? Ведь если верить утверждениям натурализма, интуитивно безошибочные соображения о сущности человека (как существа политического) открываются законодателю (или судье) сразу, а не в течение длительного времени. Можно и обобщить: если верно, что сущность права такова, как это утверждается в какой-либо теории, то почему осуществление этой сущности, ее переход в конкретно-исторический ряд явлений всегда содержит элементы, вступающие в противоречие с данной (когда-то и кем-то выявленной, но предположительно вечной) идеей?

Чисто логически возможны два корректных ответа на этот вопрос. Первый ответ будет ожидаемым и, как может показаться на первый взгляд, самым удовлетворительным: конкретная онтология не полна, и жизнь общественного организма превосходит все умственные конструкции, о чем и свидетельствуют противоречия между фактами и идеями. Отсюда любой исследователь выносит для себя только один урок – его неполная модель должна быть каким-то образом пополнена, достроена до нужного уровня. Иллюстрацией такого пополнения модели служат идеи Фомы Аквинского, вводящего в употребление систему четырех законов, управляющих человеческой жизнью, причем систему, построенную по принципу иерархии. И в этой системе, напомню, *lex humana* оказывается на нижнем уровне, предполагаясь и наиболее конкретным, и одновременно наименее устойчивым и определенным¹.

Второй способ решить эту проблему состоит в отказе от эйдетической основы философии права. Это можно заметить у авторов XX в. по нескольким показательным «симптомам»:

- популярность теологически фундированной концепции естественного права сегодня, говоря мягко, не велика (хотя чисто эпистемологически это странно: воля

¹ Речь идет о трактате Фомы *De regimine principum* («О правлении государей»).

Бога как источник земных прав куда как более определенна, нежели «природа» человека);

- менее категоричные (в смысле эпистемического фундаментализма) реалистские философии права сегодня более популярны и востребованы;

- в сообществах теоретиков и практиков возрастает спрос на обоснование философско-правовых утверждений, так что обоснованность становится даже более насущной проблемой, нежели обязательность норм.

Поскольку первое из перечисленных обстоятельств более или менее очевидно, нужно пояснить второе и третье. Говоря о категоричности философско-правовых утверждений, я в первую очередь подразумеваю их однозначность. Допустим, когда позитивист классического типа определяет право в качестве приказа суверена, он этим сразу устраняет большое количество потенциальных вопросов к содержанию того или иного правового текста, ибо приказы, как известно, обсуждать не принято, а остается их автор на данный момент времени сувереном или нет – это вообще не юридический вопрос. И совсем другое дело – позитивизм социологического толка: если право есть то, что формулируют в своих решениях судьи, то в деятельности судов можно проследить какие-то тенденции, связывать ее с внешними обстоятельствами, движущими силами социального развития и много с чем еще. Если воля суверена атомарна, непрозрачна, свободна от закономерных связей, замкнута в себе и потому таинственна, то механика судопроизводства – предмет земной, наблюдаемый и вообще познаваемый. Ну и понятно, фундаментализм, отталкивающийся от факта, предпочтительнее фундаментализма, стоящего на мистической основе.

Поясняя третье обстоятельство, я в качестве примера приведу размышления Юргена Хабермаса. Он является сторонником (отчасти и разработчиком) теории речевых актов, согласно которой далеко не все фразы на том или ином языке представляют собой суждения в строгом смысле слова. Когда люди общаются, говорит данная теория, это не всегда подразумевает обмен информацией между ними и наличие претензий на истинность высказываний. Зачастую люди обмениваются фразами, которые представляют собой скорее действия, чем суждения. Таковы, например, все императивы [4].

Речевой акт есть социально значимое действие, т.е. действие, направленное от Я к Другому, поэтому наблюдение за тем, кто, как и что обсуждает, дает ключ к пониманию того, что происходит в обществе в целом и в локальных сообществах в частности. Все социально значимые смыслы создаются и транслируются в дискурсе, т.е. системе речевых актов. Такого рода явления обладают и противоположно направленной силой: с помощью речевого акта можно нивелировать какую-либо проблему, отодвинуть ее на второй план, исключить из обсуждения. Именно поэтому, например, исследования власти в дискурсивной парадигме в качестве *conditio sine qua non* предполагают и выдвижение гипотез о том, о чем именно определенный властвующий субъект заставляет молчать своих подвластных [1, с. 43 – 53].

Хабермас использует достижения теории речевых актов для модификации представлений о том, какое нормативное суждение является обоснованным и в силу каких факторов. С его точки зрения, главное в обсуждении правила – это соблюдение определенной процедуры, по форме делиберативной, по духу – справедливой. Хабермас предлагает считать делиберативной ту процедуру, которая позволяет не только вовлечь в обсуждение решения всех, кто впоследствии будет выполнять его, но и согласовать все возражения, которые возникнут в ходе такого обсуждения. Консенсус достижим и возможен, считает немецкий философ, надо лишь ответственно подходить к публично значимым делам, стремиться к равновесию интересов, пусть и временному, но единственно справедливому, поскольку все его условия были обдуманы, заявлены, обсуждены и приняты.

За правовыми регуляторами, согласно этой теории, не скрывается сущность человека или Бога; те ценности, которые члены сообщества вынуждены артикулировать, проговаривать в ходе достижения консенсуса, взяты ими из их «жизненного мира», а потому не являются априорно обязывающими для других. Предпочтительность той или иной ценности должна быть доказана. Содержание этих внутренних переживаний может легитимироваться только благодаря дискурсивному процессу, обсуждению, столкновению с другими установками. Выглядит это весьма демократично.

По Хабермасу, если правила самой процедуры составлены оптимальным образом, не так важно, какие именно правовые суждения окажутся «на выходе». Процедура оказывается генетически первичнее суждений.

В итоге, антиреализм Хабермаса очень похож на возвращение философского интереса к деятельности и порождаемому этой деятельностью субъекту. Но в отличие от теорий марксистского и фрейдовского типа (их ведь тоже очень интересуют корни субъективности в ее норме и патологии), здесь нет особого интереса ни к какой иной деятельности, кроме аргументативной, кроме речевых актов, устанавливающих некий общественный порядок. Ни производственная активность, ни тем более сексуальная сами по себе не важны для формирования субъекта права – а вот активность по приведению в равновесие начал публичной и частной автономии крайне важна. И коль скоро Хабермас отказывается обсуждать истоки этих типов автономного действия, его философия права оказывается минимально реалистической из всех представленных ныне концепций. В этом смысле она также представляет собой крупномасштабный речевой акт с определенными претензиями.

Что же нового дает нам этот интересный проект? Для меня здесь важны прежде всего вопросы моделирования, онтологии, как и было заявлено в самом начале текста. Дискурсивная (или процедурная) теория права хороша не тем, что открывает какую-то не изведенную ранее грань или сторону правовой жизни, а тем, что утверждает: осуществление сущности права есть не что иное как коммуникативная деятельность, в которой субъект впервые понимает сам себя как субъекта. И эта практика есть, ко всему прочему, теория права, его модель. Нет

неосуществленных моделей права, равно как нет и неосуществимых, но есть нормы, прошедшие фильтр обсуждения, и нормы, задерживаемые этим фильтром (т.е. псевдонормы).

Самым очевидным недостатком этой модели является отсутствие оснований для добросовестной интеллектуальной коммуникации, без которой все обсуждаемые Хабермасом процедуры не имеют шанса на продуктивное завершение. Зачем нужно соблюдать принципы делиберативной демократии? Если ответить на этот вопрос в реалистическом духе, проект сам себя перечеркивает. Если не отвечать вообще, то ценностный и познавательный компоненты сознания оказываются разделены, но тогда возникает опасность присваивающего воздействия определенных властных инстанций, способных узурпировать любой из двух компонентов, что ведет нас к реидеологизации публичного пространства.

Таким образом, как видно, отказ от трансцендентных оснований метафизики права крайне прост в онтологическом измерении, и почти неразрешим для эпистемологии. Он полностью ликвидирует возможность научного осмысления правовой реальности, оставляя нас наедине с бесконечным множеством процедур, каждая из которых грозит никогда не завершиться. Насколько юридическая мысль заинтересована сегодня в таком финале – вопрос открытый.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жувенель, Б. де. Власть: Естественная история ее возрастания / пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2011.
2. Павлов В.И. Понимание человека в антропологической концепции права в контексте православного учения о личности // Право, религия и социальные трансформации XX – XXI вв.: Материалы X международной науч.-практ. конференции. Иваново, 19 – 22 окт. 2016 г. / отв. ред. Е.Л. Поцелуев. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2018. С. 21 – 29.
3. Уемов А.И. Логические основы метода моделирования. М.: Мысль, 1971.
4. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

LEGAL ONTOLOGY, REALISTIC (RELIGIOUS) METAPHYSICS, AND THEIR INTERRELATIONS

Belyaev Maxim A.
PhD, Researcher,
Institute of State and Law
of Russian Academy of Sciences

Abstract. *The paper devoted to ontological aspect of legal philosophy. The scientific models of law have often realistic background. When we describe human being as the*

central element of legal system, our metaphysics turn to the religious intuitions. The paper analyzes Habermas' concept of deliberative democracy as the tools for nominalization of legal thinking. By the author's opinion, this project is epistemologically not justified.

Keywords: *realism, metaphysics, essence of law, Habermas, discourse.*

РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ В ПРОЦЕССАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДУХОВНОЙ СФЕРЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ И ОПТИМИЗАЦИИ

Кравцов Дмитрий Николаевич
аспирант кафедры общественных связей и медиаполитики
Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
dmitrykrav.row@gmail.com

Аннотация. *В условиях современных динамических изменений военно-политической обстановки в мире, расширения спектра рисков и угроз национальной и международной безопасности, при формировании концепций обеспечения духовной безопасности как одной из ключевых отраслей национальной безопасности важное значение приобретает реформирование разведывательной и контрразведывательной систем России. Это необходимо для эффективизации и оптимизации деятельности российских спецслужб по противодействию деструктивному влиянию на духовную сферу российского социума иностранных специальных органов и обусловлено интеграционными процессами в рамках институционализирующихся в мире систем коллективной безопасности.*

Одним из приоритетных направлений эффективизации деятельности органов обеспечения национальной безопасности видится комплектование, прежде всего, аналитических подразделений спецслужб России квалифицированными специалистами с высшим философским образованием, подготовленных к ведению профессиональной деятельности в области философско-аналитического обеспечения государственной безопасности, а также безопасности духовной сферы жизнедеятельности российских граждан и социума.

Ключевые слова: *национальная безопасность, духовная безопасность, философия, аналитика, спецслужбы, разведка и контрразведка.*

Диагностика современного состояния защищённости духовной сферы РФ позволяет сделать вывод о наличии как внутренних, так и внешних угроз духовной безопасности. Среди угроз, которые имеют внутреннее происхождение, необходимо отметить духовно-нравственное разложение нации, деформацию политического и правового сознания граждан, пропаганду материальных ценностей, деидеологизацию и латентную секуляризацию общества, забвение патриотизма, увеличение проявлений псевдорелигиозного экстремизма и терроризма [1]. Внешние угрозы духовной безопасности России связаны с ведением в отношении нашего государства информационно-психологической войн, а также с

культурной экспансией западной системы мировоззренческих установок, чуждых традиционным российским взглядам на мир и роль человека в нём (т.н. «вестернизация») [2]. Указанные угрозы деструктивно влияют на духовную сферу жизнедеятельности человека, и, в конечном счёте, направлены на подрыв конституционного строя России [3].

В связи с наличием этих угроз повышается роль государственных субъектов обеспечения национальной безопасности (прежде всего, специальных служб разведки и контрразведки) в процессах обеспечения духовной безопасности. Эффективная деятельность указанных служб позволяет сформировать условия для получения превентивной (упреждающей) информации, необходимой для своевременного противодействия возможным вызовам и угрозам в духовной сфере России. В связи с этим вполне логичной представляется необходимость усиления добывающего компонента деятельности специальных служб как внутри государства, так и за его пределами [4, с. 34].

Эффективность современной спецслужбы определяется сегодня не количественными, а качественными показателями, и обуславливается, прежде всего, её способностью оперативно трансформироваться для ответа на возникающую угрозу. Это возможно лишь при функционировании оптимальной диалектически единой системы разведывательных и контрразведывательной органов и её кадровом обеспечении подготовленными компетентными специалистами.

Отметим, что в соответствии с ныне действующим законодательством разведывательные и контрразведывательные органы взаимосвязаны между собой и имеют общую цель – обеспечение Президента, Федерального Собрания и Правительства разведывательной и контрразведывательной информацией, необходимой им для принятия решений в различных сферах, в т.ч. в области духовной безопасности [5].

По информации из открытых источников, в современную систему разведывательных и контрразведывательных органов входят Федеральная служба безопасности, Служба внешней разведки, орган внешней разведки Министерства обороны – Главное управление Генерального штаба Вооруженных Сил (как его часто неофициально именуют «Главное разведывательное управление») [6, с. 83].

Функции контрразведки при этом возлагаются на ФСБ России, а разведывательные полномочия имеются у всех трёх структур [7]. Система разведывательных органов единства не образует, что определено децентрализованностью указанных структур. Это приводит к взаимной конкуренции между спецслужбами, а также, как следствие, к снижению эффективности их деятельности по причине осложнений в координации и взаимодействии.

Указанная проблема межведомственного взаимодействия отечественных разведок не является новой. Она сводится к проблеме существования двух основных типов функционирования разведывательных систем: децентрализованной (в которой действует два и более разведывательных органов)

и централизованной (всё ведение разведки нормативно закрепляется за одним государственным органом).

Децентрализованные системы разведки, по мнению зарубежных экспертов, более эффективны и оперативны, в них реализуется возможность государства получать независимые данные [8, с. 21-22], иметь их альтернативные интерпретации [9]. Это стало причиной того, что именно децентрализованная модель организации органов разведки используется в большинстве цивилизованных государств [10]. Однако эффективность такой системы возможна только в том случае, когда существует координационный орган управления разведывательной деятельностью. В ныне действующей пирамиде (системе) государственной власти России считать таким органом, например, Президента РФ, который является по должности Верховным Главнокомандующим и руководит деятельностью ФСБ России и СВР России, или Совет Безопасности нельзя.

По нашему мнению, анализ деятельности отечественных и зарубежных спецслужб действительно позволяет говорить о децентрализованной модели организации разведывательных и контрразведывательных органов как наиболее целесообразной и эффективной. В связи с этим оптимальной представляется такая модель организационной структуры спецслужб России, при которой органы внешней разведки (СВР России) и контрразведки (ФСБ России) объединены в одной государственной институции, способной на внутриведомственном уровне эффективнее организовывать обмен оперативными данными между подразделениями, быстро обеспечивать их проверку и анализ, а орган военной разведки входит в структуру оборонного ведомства и имеет возможность напрямую представлять высшим должностным лицам страны разведывательную информацию через призму обеспечения обороноспособности.

При такой организационной структуре деятельности спецслужб России функционирование координационного органа управления разведывательной деятельностью не является обязательным.

Следует отметить, что дискуссия о реформировании органов безопасности по такой модели ведётся относительно давно [11], однако пока трансформационных изменений органы разведки и контрразведки не претерпели.

По мнению автора статьи, современные процессы глобального противоборства спецслужб определяют необходимость решения вопросов координации деятельности разведывательных и контрразведывательных служб России по обеспечению как национальной, так и духовной безопасности путём создания самостоятельного федерального министерства, объединяющего ФСБ и СВР (а также, возможно, и ряд других федеральных служб) и уполномоченного в ведении разведки и контрразведки – Министерства государственной безопасности Российской Федерации (МГБ России). Идея создания этого ведомства поддерживается отечественными экспертами [12].

В контексте обеспечения духовной безопасности, угрозы которой могут носить как внутренний, так и внешний характер, децентрализованная система организации

деятельности спецслужб позволяет эффективнее обеспечивать добывание и обработку разведывательных и контрразведывательных данных, которые необходимы для разработки и реализации мер противодействия деструктивным процессам в духовной сфере превентивно, ещё до момента начала этих процессов или появления угрозы наступления отрицательных последствий для духовной сферы человека, общества и государства.

При этом особая роль в обеспечении духовной безопасности отведена контрразведывательным органам ФСБ России. Основная работа по контрразведывательному обеспечению безопасности в духовной сфере возложена на Службу по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом ФСБ, которую можно справедливо считать наследницей Пятого управления КГБ СССР, которое занималось борьбой с идеологическими диверсиями противника. Осуществляя функции политической контрразведки, сотрудники «Второй службы» обеспечивают борьбу с деструктивными проявлениями в духовной сфере жизнедеятельности общества.

На органы внешней разведки в процессах обеспечения духовной безопасности возлагаются задачи по своевременному добыванию и обработке информации о затрагивающих жизненно важные интересы РФ в духовной сфере реальных и потенциальных угрозах.

В связи с включением в состав органа внешней разведки Министерства обороны самостоятельного управления, функцией которого является ведение информационно-психологической борьбы, влияющей на духовную сферу, отдельные функции по обеспечению духовной безопасности возлагаются и на Главное разведывательное управление.

Кроме того, ввиду особого статуса отдельные полномочия по обеспечению безопасности духовной сферы возлагаются на иные силы обеспечения национальной безопасности, а также ряд правоохранительных органов.

Эффективное обеспечение духовной безопасности как одной из ключевых сфер национальной безопасности сегодня невозможно без реализации грамотной кадровой политики. Развитие современных угроз духовной безопасности личности, общества и государства обуславливают необходимость комплектования спецслужб, уполномоченных в области обеспечения духовной безопасности, компетентными образованными сотрудниками, обладающими широкими профессиональными знаниями в социогуманитарной сфере, философским миропониманием и навыками не только оперативной, но и аналитической работы.

По нашему мнению, одним из способов подготовки квалифицированных сотрудников для подразделений, уполномоченных в области обеспечения духовной безопасности, является их обучение философским наукам. По нашему мнению, изучение этих наук как дисциплин, позволяющих приобрести навыки философско-аналитического мышления, определения наиболее общих характеристик и индикаторов политической и духовной сфер, уровней обеспеченности их безопасности, моделирования систем противодействия угрозам и вызовам,

позволит сформировать у сотрудников указанных подразделений необходимые компетенции в области обеспечения ключевых отраслей национальной безопасности.

В связи с тем, что большинство сотрудников вышеуказанных подразделений являются лицами, уже имеющими высшее образование, целесообразно организовать подготовку этих сотрудников по образовательным программам магистратуры в рамках философских направлений подготовки – 47.04.01 «Философия» и 47.04.03 «Религиоведение».

В данном ключе крайне актуальными, по мнению автора, являются современные наработки в области подготовки кадров для государственных и частных структур (органов) обеспечения духовной безопасности, которые аккумулированы Институтом философии и социально-политических наук Луганского национального университета им. В. И. Даля (ИФиСПН ЛНУ им. В. И. Даля). Философская школа данного вуза, которую основал и поныне возглавляет заведующий кафедрой мировой философии и теологии д. филос. н., проф. В. Д. Исаев, уже много лет занимается исследованием проблем духовности, духовно-нравственного и патриотического воспитания и просвещения, государственно-религиозных и межнациональных отношений, современных угроз духовной сферы жизнедеятельности человека и общества.

В. Д. Исаеву принадлежит высказанная им ещё в конце 1980-х гг. идея создания философских образовательных центров на базе гражданских ВУЗов, направленных на подготовку специалистов-аналитиков с высшим философским образованием для органов государственной власти, и прежде всего, органов государственной безопасности. К сожалению, в связи с распадом СССР и расформированием органов КГБ идея так и не воплотилась в жизнь.

Однако сегодня в связи с особой актуализацией процессов обеспечения духовной безопасности, субъектной диверсификацией этих процессов, вовлечением в них не только органов разведки и контрразведки, но и целого спектра других государственных и частных структур, подготовку гражданских и военных аналитиков в области обеспечения национальной, государственной и духовной безопасности обосновано рассматривать как приоритетное направление государственной кадровой политики.

В связи с этим научно-исследовательской группой под руководством В. Д. Исаева при активной поддержке ректора университета В. Д. Рябичева в 2018 г. была разработана магистерская программа «Духовно-нравственная безопасность в современном государстве» в рамках направления подготовки 47.04.03 «Религиоведение».

Реализация магистерской программы, направленной на подготовку специалистов по духовно-нравственной безопасности, по мнению разработчиков, позволит сформировать у студентов знания, умения и навыки необходимые для сохранения фундаментальных духовно-нравственных ценностей и традиций

общества, а также эффективного преодоления угроз в духовной сфере, исходя из национальных интересов.

По мнению автора, подготовка квалифицированных религиоведов, обладающих системными знаниями о социогуманитарных процессах в духовной сфере, способных анализировать проявления религиозного фактора во внутренней и внешней политике, вовлечённых в процесс генерации актуальных духовно-нравственных ценностей способствует укреплению духовной безопасности, что делает реализацию разработанной в ЛНУ им. В. И. Даля магистерской программы востребованной и целесообразной.

В то же необходимо отметить, что подготовленные в рамках этой магистерской программы специалисты будут специализироваться на обеспечении духовной безопасности и некоторых смежных с ней отраслей национальной безопасности. Проблему необеспеченности других отраслей безопасности компетентными аналитиками возможно решить за счёт создания и реализации универсальной магистерской программы по их подготовке.

В продолжение развития идей В. Д. Исаева о создании центров подготовки аналитиков для всей сферы государственной безопасности автором статьи разработан проект магистерской программы по направлению подготовки 47.04.01 «Философия» – «Философско-аналитическое обеспечение государственной безопасности».

Отмечая фундаментальное значение и важность именно государственной безопасности как состояния защищённости всего государства, автор предлагает создать магистерскую программу, реализация которой позволит создать пласт компетентных философов-аналитиков для любой из отраслей национальной безопасности на стратегическом уровне её обеспечения – общегосударственном (например, аналитиков в сфере духовной, экономической или политической и других отраслей безопасности государства). В то же время, обучаясь общим принципам и техникам аналитики, выпускник означенной программы способен осуществлять аналитическую работу в любой отрасли национальной безопасности и на любом из уровней – на уровне конкретного человека, общества или, как было сказано выше, всего государства.

Реализация обсуждаемой магистерской программы предполагает подготовку гражданских и военных квалифицированных, образованных, высокоморальных специалистов с широким кругозором, развитыми навыками философско-аналитической деятельности, а также оперативного, тактического и стратегического прогнозирования в области государственной безопасности для нужд органов государственной власти и, прежде всего, спецслужб, а также иных негосударственных структур (органов) обеспечения безопасности.

В связи с этим общая миссия указанной магистерской программы – способствовать созданию и философско-аналитическому обеспечению эффективной системы защиты безопасности личности, общества и государства в условиях глобализации и инновационного социально-экономического развития.

Цель программы – подготовка высококвалифицированных кадров, ориентированных на защиту национальных интересов, которые могут осуществлять не только научно-исследовательский, педагогический и организационно-управленческий виды профессиональной деятельности, которые предусмотрены ФГОС ВО по направлению подготовки 47.04.01 «Философия» [13], но и фактически заниматься экспертно-аналитической и оперативно-служебной профессиональной деятельностью в сфере обеспечения государственной безопасности.

Достижению указанной цели будет сопутствовать изучение в рамках магистерской программы научных дисциплин философского, социально-политического, юридического и экономического направлений обязательного и вариативного блока, среди которых:

1. Методологические основы общей теории государственной безопасности;
2. Философия безопасности;
3. Философия политики, государства и права;
4. Практическая философия;
5. Философия массового сознания;
6. Религия и политика;
7. Стратегическое управление в сфере обеспечения государственной безопасности;
8. Современные социокультурные и социально-политические процессы;
9. Основы философско-аналитической деятельности;
10. Анализ и прогноз в современных социогуманитарных исследованиях;
11. Цивилизационные угрозы государственной безопасности в современном мире;
12. Правовые основы обеспечения государственной безопасности;
13. Духовная безопасность;
14. Противодействие терроризму и религиозному экстремизму;
15. Социально-политическая и экономическая безопасность.

В рамках учебного процесса предусматриваются выполнение научно-исследовательской работы, а также прохождение педагогической, научно-исследовательской и преддипломной практик в государственных структурах, уполномоченных в области обеспечения безопасности. На этапе государственной итоговой аттестации магистрант защищает выпускную квалификационную работу (магистерскую диссертацию) и сдаёт государственный экзамен.

Абитуриентами указанной магистерской программы могут быть как уже действующие сотрудники правоохранительных и военных органов, уполномоченных в области обеспечения государственной безопасности, так и гражданские лица, которые хотят продолжать свою профессиональную деятельность в государственных и частных структурах, связанных с обеспечением безопасности.

Ожидается, что реализация указанной магистерской программы в рамках направления подготовки 47.04.01 «Философия» в ЛНУ им. В. И. Даля, которая должна начаться с сентября 2018 г., позволит создать на постсоветском

пространстве первый полноценный философско-образовательный центр, специализирующийся на подготовке аналитиков в области государственной безопасности для различных структур, связанных с её обеспечением.

В настоящее время в России полноценно существует только один факультет гражданского ВУЗа, профильно специализирующийся на подготовке управленческих кадров в области государственной безопасности – Факультет национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ. Указанный факультет уже много лет эффективно ведёт подготовку слушателей по магистерской программе «Государственное управление и национальная безопасность» в рамках направления подготовки 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление» и специализируется на формировании управленческих кадров (менеджеров) в сфере управления обеспечением национальной безопасности [14].

Предлагаемая нами магистерская программа в рамках философских наук ни в коей мере не дублирует цели и задачи подготовки кадров для сферы национальной безопасности, которые перед собой ставит ФНБ РАНХиГС.

Задача Академии при Президенте РФ – подготовить современного практика-менеджера в сфере государственного управления обеспечением национальной безопасности. Нами же предлагается философская подготовка кадров, специализирующихся на осуществлении аналитической деятельности в области государственной безопасности. Если для выпускника ФНБ РАНХиГС при Президенте РФ осуществление аналитической деятельности – это возможная, однако не свойственная и не основная для него деятельность (т.к. он готовится для управленческого звена), то для выпускника магистерской программы «Философско-аналитическое обеспечение государственной безопасности» экспертно-аналитическая деятельность является основной, а его подготовка осуществляется для дальнейшего комплектования аналитических служб органов и структур, занимающихся обеспечением государственной безопасности. В связи с этим необходимо говорить о взаимосвязанности и взаимодополняемости магистерских программ ФНБ РАНХиГС и ИФиСПН ЛНУ им. В. И. Даля.

В целом, по мнению автора, подготовка магистров философии по магистерской программе «Философско-аналитическое обеспечение государственной безопасности» и дальнейший их отбор на службу в органы государственной власти, уполномоченные в области обеспечения государственной безопасности, и, прежде всего, безопасности духовной сферы государства, позволит решить вопрос комплектования отечественных спецслужб и других государственных органов квалифицированными аналитиками.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что современный спектр рисков и угроз национальной и международной безопасности определяет основные направления обеспечения духовной безопасности личности, общества и государства. Целевой задачей государственного стратегического управления в области обеспечения духовной безопасности России является противодействие

внутренним и внешним угрозам духовной сферы жизнедеятельности человека, общества и всего государства.

В ныне действующей системе органов государственной власти обязанность обеспечения государственной безопасности возложена на силы обеспечения национальной безопасности – спецслужбы России, уполномоченные на ведение разведывательной и контрразведывательной деятельности (ФСБ России, СВР России, орган военной разведки Министерства обороны и др.).

По мнению автора, в целях эффективного купирования внутренних и внешних угроз духовной безопасности целесообразно:

- проведение комплексных мер по повышению эффективности функционирования спецслужб России;
- оптимизация организационных структур подразделений спецслужб, уполномоченных в сфере обеспечения духовной безопасности;
- увеличение материального и финансового обеспечения деятельности указанных органов;
- внесение изменений в нормативно-правовую базу, регулирующую деятельность спецслужб и государственные меры противодействия деструктивным факторам духовной сферы;
- комплектование спецслужб квалифицированными кадрами с навыками оперативно-служебной и экспертно-аналитической деятельности в области обеспечения духовной безопасности.

Автором отстаивается позиция необходимости реформирование ныне действующих систем разведки и контрразведки России в целях эффективизации и оптимизации деятельности российских спецслужб по противодействию деструктивному влиянию на духовную сферу российского социума иностранных специальных органов.

В частности, предлагается на основе ФСБ России и СВР России, а также, возможно, ряда иных федеральных служб, создать единое централизованное Министерство государственной безопасности Российской Федерации (МГБ России), уполномоченное в области ведения разведывательного и контрразведывательного обеспечения национальной, а в частности, государственной и духовной, безопасности России.

Одной из дополнительных мер повышения уровня защиты духовной безопасности России представляется организация комплектования российских спецслужб квалифицированными кадрами с высшим философским образованием для аналитической и оперативно-служебной деятельности в подразделениях, уполномоченных в области обеспечения духовной безопасности. В целях организации подготовки указанных кадров автором статьи предлагается концепция магистерской программы «Философско-аналитическое обеспечение государственной безопасности» в рамках направления подготовки 47.04.01 «Философия».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспаленко П. Н., Беспаленко Н. П. Духовные ориентиры. Угрозы и партнерство в обеспечении духовной безопасности современной молодежи России и Украины // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. №3. С. 182-195.
2. Кравцов Д. Н. Духовная безопасность современного российского социума как ценностный феномен цивилизационного характера // Антропос: Логос и Теос. Сборник научных трудов Луганского национального университета имени Владимира Даля. Выпуск № 3. Луганск: Изд-во ЛНУ им. В. Даля, 2017. С. 264-278.
3. Коршунов А. В. Духовная безопасность российского общества: основные угрозы и стратегии их преодоления // Власть. 2012. №6. С. 39-42.
4. Власова М. Г. Прогнозирование в разведке: метод индикаторов в современных условиях // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2015. №3. С. 34-42.
5. Федеральный закон от 10 января 1996 г. N 5-ФЗ «О внешней разведке» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 января 1996 г., № 3, ст. 143.
6. Костров А. В. Этимология и семантико-правовое пересечение понятий «Гражданская оборона» и «Национальная безопасность» // Технологии гражданской безопасности. 2017. №2 (52). С. 83 (72-84).
7. Лахин В. Д. О соотношении разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2007. №1. С. 142-146.
8. Нежданов И.Ю. Аналитическая разведка для бизнеса. Москва: Ось-89, 2008.
9. «Разведывательное сообщество» США [Электронный ресурс]. URL: <http://zvo.su/voennye-problemy/razvedyvatelnoe-soobshchestvo-ssha.html> (дата обращения 05.09.2018).
10. Пентагон создает децентрализованную систему военной разведки. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2006/04/13/joic/> (дата обращения 05.09.2018).
11. Министерство чрезвычайных полномочий. Готовится реформа правоохранительных и силовых структур [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3093174> (дата обращения 04.09.2018).
12. Эксперты рассказали о перспективах министерства госбезопасности [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160919/1477313717.html (дата обращения 05.09.2018).
13. Приказ Минобрнауки России от 03.12.2015 № 1408 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 47.04.01 Философия (уровень

- магистратуры)» [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvom/470401.pdf> (дата обращения 03.09.2018).
14. 38.04.04 Государственное и муниципальное управление, магистратура «Государственное управление и национальная безопасность» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ilns.ranepa.ru/studentam-i-slushatelyam/obrazovatelnye-programmy/magistratura.php?ELEMENT_ID=2725 (дата обращения 05.09.2018).
-

RUSSIAN SERVICES IN THE PROCESSES OF SECURING THE SPIRITUAL SPHERE OF THE LIFE OF HUMAN, SOCIETY AND STATE: WAYS OF TRANSFORMATION AND OPTIMIZATION

Kravtsov, Dmitri N.
post-graduate student of the Department
of public relations and media policy
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President
of the Russian Federation

Abstract. *In the conditions of modern dynamic changes in the military and political situation in the world, in the expansion of the range of risks and threats to national and international security, while reforming the concepts of ensuring spiritual security as one of the key branches of national security, reforming the intelligence and counterintelligence systems of Russia is of great importance. This is necessary for the effectiveization and optimization of the activities of Russian special services in counteracting the destructive influence on the spiritual sphere of the Russian society of foreign special bodies and is conditioned by integration processes within the framework of collective security systems that are institutionalized in the world.*

One of the priority areas for the effectiveness of the national security agencies is the acquisition, first of all, of the analytical divisions of the special services of Russia by qualified specialists with a higher philosophical education, trained to conduct professional activities in the field of philosophical and analytical support of state security, as well as the security of the spiritual sphere of Russian citizens and society.

Keywords: *national security, spiritual security, philosophy, analytics, special services, intelligence and counterintelligence.*

ВНУТРИШКОЛЬНАЯ СИСТЕМА МЕТАПРЕДМЕТНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: СОСТАВ И СТРУКТУРА

Воровщиков Сергей Георгиевич
доктор педагогический наук, профессор,
профессор Института педагогики и психологии образования
Московского городского педагогического университета.
sgvorov@mail.ru

Татьянченко Дмитрий Владимирович
доцент, кандидат педагогических наук,
ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет»,
Tatyanchenkodv@cspu.ru

Аннотация: В статье представлен проект внутришкольной системы метапредметного образования, который включает обоснование социально-педагогических ценностей, описание основных компонентов содержания метапредметного образования, краткую характеристику методических особенностей метапредметных курсов, метапредметных уроков, дополнительных общеобразовательных программ, организации проектной и исследовательской деятельности обучающихся. Представленная система основывается на концепциях метапредметности, интеграции общего и дополнительного образования, организации внутришкольной научно-методической работы.

Ключевые слова: метапредметные образовательные результаты; внутришкольная система метапредметного образования; содержание образование; метапредметный курс; метапредметный урок; проектная и исследовательская деятельности.

Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования в качестве одного из важнейших образовательных результатов установили «метапредметные, включающие освоенные обучающимися универсальные учебные действия, обеспечивающие овладение ключевыми компетенциями, составляющими основу умения учиться, и межпредметными понятиями» (статья 9, ФГОС НОО). Попытку сведения метапредметных образовательных результатов только к универсальным учебным действиям А.В. Хуторской справедливо определяет как «существенный недостаток» данных стандартов [32, с. 41]. Такое искажение в стандарте важнейшего и необходимейшего для отечественного образования явления метапредметности

является контрпродуктивным, может привести к дискредитации как этого образовательного феномена, так и самого стандарта.

В связи с этим наше исследование направлено на поиск ответов на следующие вопросы:

- Во-первых, необходимо корректно определить, что такое метапредметное образование, каковы его ценностно-целевые приоритеты?

- Во-вторых, требуется четкое определение содержания метапредметного образования, т.е. чем необходимо овладеть учащимся: только ли универсальными учебными действиями, или все значительно сложнее?

- В-третьих, необходима разработка и реализация в формате всей общеобразовательной организации целостного учебно-методического обеспечения метапредметного образования. Речь идет и о метапредметных курсах, реализуемых во внеурочной деятельности, и метапредметных уроках общеобразовательных дисциплин, и о студиях дополнительного образования, выращивающих «умеющих учеников», и т.д.

- В-четвертых, как сформировать методическую готовность педагогов по обеспечению достижения учащимися метапредметных образовательных результатов? Это особая задача для системы как высшего педагогического образования, так дополнительного профессионального образования, а также внутришкольной научно-методической работы.

Подчеркнем, что эти позиции равновелики, требуются теоретически обоснованные и технологически экипированные ответы на вопросы: «зачем?», «почему?», «как?» и «благодаря чему?». Ответы на данные вопросы предполагают разработку внутришкольной системы метапредметного образования, ибо сложные системные проблемы образовательного процесса решаются адекватными по сложности системными решениями. Описание данной системы метапредметного образования будет представлено в данной статье.

Следует признать, что в настоящее время отсутствует целостная теория метапредметного образования. Справедливости ради, следует отметить, что в отечественной педагогике на протяжении четверти века проводились глубокие теоретические и практические исследования метапредметности научными школами Ю.В. Громыко [7-11], А.В. Хуторского [28-35]. К сожалению, данный опыт был проигнорирован разработчиками современного образовательного стандарта. Представим суждения данных исследователей, раскрывающие содержательные и технологические аспекты метапредметного образования.

А) Каковы подходы к определению содержания метапредметного образования?

А.В. Хуторской считает: «Метапредметное содержание образовательных стандартов включает в себя:

1. Реальные объекты изучаемой действительности, в том числе фундаментальные образовательные объекты.

2. Общекультурные знания об изучаемой действительности, в том числе фундаментальные проблемы.

3. Метапредметные и общеучебные умения, навыки, обобщённые способы деятельности.

4. Ключевые (метапредметные) образовательные компетенции» [32, с. 15].

Данное определение содержания метапредметного образования основывается на концепции человекообразности, которая опирается на целостное представление ученика как человека, имеющего физическую, эмоциональную и интеллектуальную составляющую, а также ценностную, духовно-нравственную основу жизнедеятельности [29].

По мнению Ю.В. Громыко, метапредметное образование предполагает метапредметный тип интеграции содержания, особенности которого состоят в следующем:

1) Приоритет деятельностных основ содержания образования. Передача учащимся не просто знаний, а именно деятельностных способов работы со знаниями. Например, понятие может рассматриваться в качестве деятельностной единицы содержания. Если учитель раскрывает для учащегося способ его порождения и обеспечивает его освоение как средство собственного действия ученика, то можно утверждать, что учитель работает с понятием как с деятельностной единицей содержания образования.

2) Рефлексивное переосмысление предметных основ содержания образования. Метапредметный подход – это очень хорошее знание своего предмета, что, собственно, и позволяет деятельностно пересобрать учебный материал и заново его интерпретировать с точки зрения деятельностных единиц содержания.

3) Ориентация на развитие у школьников базовых способностей, таких как мышление, воображение, различительная способность, способность целеполагания или самоопределения, идеализационная способность, речевая и т.д. – важнейшая специфика метапредметной интеграции [11].

Таким образом, А.В. Хуторской и Ю.В. Громыко не сводят содержание образования только к универсальным учебным действиям, как это представлено в современном образовательном стандарте общего образования. Метапредметный подход обеспечивает переход от существующей практики эклектичного дробления знаний на учебные предметы к целостному восприятию мира, метадеятельности, исследованию объектов реального мира как фундаментальных образовательных объектов. Так, например, категория «энергия» исследуется в таких учебных предметах, как физика, химия, биология, география, анатомия, имеет она отношение и к социальным наукам.

Б) Каковы подходы к определению учебно-методических особенностей метапредметного курса?

А.В. Хуторской справедливо утверждает: «Учебный метапредмет – новая категория педагогики» [32, с. 31]. В первом варианте «Примерной основной

образовательной программы образовательного учреждения. Основная школа» указаны четыре так называемых междисциплинарных курса – «Формирование универсальных учебных действий», «Формирование ИКТ-компетентности обучающихся», «Основы учебно-исследовательской и проектной деятельности» и «Основы смыслового чтения и работа с текстом» [22, с. 15]. К сожалению, в новой версии примерной основной образовательной программы уровней общего образования эти, несомненно, метапредметные курсы, к сожалению, даже и не упоминаются [23].

Для А.В. Хуторского метапредмет – это основосоздающая часть предмета: «Учебный метапредмет – педагогически адаптированная образовательная система, базирующаяся на одном или нескольких взаимосвязанных фундаментальных образовательных объектах, в также соответствующих им проблемах, деятельности и компетенциях» [32, с. 32]. А.В. Хуторской считает, что главная особенность метапредмета заключается в субъективном характере организации освоения данного курса, в возможности его оперативной перестройки в зависимости от потребностей обучаемых. Содержание метапредмета качественно отличается от содержания обычного учебного курса тем, что смысловое поле объектов познания в нём выходит за рамки традиционных учебных дисциплин и располагается на метауровне. Результат познания этих объектов не сообщается ученику в качестве готового материала, а добывается каждым учащимся по-своему в ходе организованной эвристической деятельности [35]. В качестве примеров уже разработанных метапредметов можно привести следующие курсы: «Числа» [31], «Мироведение» [30].

Для Ю.В. Громыко метапредмет – это не основосоздающая часть предмета, а его деятельностный «срез». Исследователь определяет метапредмет как учебный предмет нового типа, в основе которого лежит мыследеятельностный тип интеграции учебного материала и принцип рефлексивного отношения к базисным организованностям мышления – «знание», «знак», «проблема», «задача», которые надпредметны и носят универсальный характер [11]. В соответствии с этим и название метапредметов – «Знание» [9], «Знак» [8], «Проблема» [10].

Таким образом, приоритеты методики преподавания метапредмета проявляются в междисциплинарной интеграции, содействующей становлению целостного мировоззрения посредством постижения фундаментальных проблем мироздания, ключевых первосмыслов, обучении через личностный опыт и групповое сотрудничество; обязательной интерактивности (работа в малых группах, ролевые игры, имитационное моделирование, тренинги, метод проектов), компетентностном, личностно-деятельностном и субъект-субъектном подходах.

В) Каковы подходы к определению учебно-методических особенностей метапредметных уроков?

Научная школа метапредметной интеграции и мыследеятельностной педагогики Ю.В. Громыко предлагает пять основных слагаемых метапредметного урока: тема занятия должна быть посвящена метапредметному вопросу, который

может быть раскрыт на разном предметном материале; необходимо определиться, какому способу деятельности можно научить обучающихся; метапредметный урок означает хорошее знание фундаментальных научных законов; необходимо определить, какая базовая способность будет сформирована у обучающихся во время учебного занятия; учитель должен быть готов к импровизации, изменению тактики взаимодействия с обучающимися в зависимости от ситуации, хотя и при этом сохраняется заранее выстроенная стратегия дидактического движения. По мнению представителей научной школы Ю.В. Громыко, подобные метапредметные уроки позволяют сохранять и развивать культуру мышления и целостную картину мира [7].

А.В. Хуторской, следуя им же и сформулированному принципу человекообразного образования, предлагает следующую последовательность этапов метапредметного эвристического урока: «Любой вопрос или тема излагаются вначале самими учениками на их уровне представлений. Ответы и мнения детей обсуждаются, сопоставляются, комментируются. Оценки учителя типа «правильно-неправильно» отсутствуют.

После того, как ученики создали собственный образовательный продукт – рисунок, версию, таблицу и т.п., учитель знакомит их с культурно-историческими версиями решения той же проблемы, которую решали ученики. Приводит и обсуждает с учениками цитаты из первоисточников, сравнивает определения, которые дали ученики, с теми, которые имеются у учёных, размещены в словарях и энциклопедиях.

В результате дети развивают свои предварительно выращенные понимания, либо переопределяют их, выбирая близкую им позицию другого ученика или ученого. В любом случае происходит сопоставление изучаемого материала с лично создаваемым учеником содержанием.

В итоге каждый ученик говорит о том, что у него лучше всего получилось, как он пришел к своему результату, что ему больше всего понравилось, запомнилось. Данный этап называется рефлексивным. Его задача – осознать каждым учеником его результаты, трудности, способы собственной деятельности. На базе рефлексивного этапа происходит самооценка и оценка образовательных результатов» [32, с. 49-50].

А.В. Хуторской рассматривает метапредметные уроки как эффективное средство эвристического обучения – обучения, при котором знания не передаются учителем, а рождаются в собственной деятельности учеников.

Таким образом, научные школы Ю.В. Громыко и А.В. Хуторского убеждены в том, что освоение метапредметного содержания общего образования не может быть осуществлено традиционными способами в рамках общеобразовательных предметов. Новый компонент содержания образования требует новых образовательных ресурсов. Ведущую роль в метапредметном образовании играют метапредметные курсы, формирующие целостную картину мира, а метапредметные уроки являются самым массовым педагогическим средством, способствующим

целенаправленному освоению учащимися когнитивной, деятельностной и аксиологической составляющими содержания метапредметного образования.

Учитывая системный характер рассматриваемой проблемы, очевидна необходимость нового уровня взаимодействия образовательных организаций общего, дополнительного образования детей, высшего и дополнительного профессионального образования. Результатом такого плодотворного взаимодействия школьных работников и вузовских преподавателей стало создание и апробация внутришкольной системы учебно-методического и управленческого сопровождения метапредметного образования [4].

Разработка, обоснование и апробация данной системы метапредметного образования осуществились в формате сетевой экспериментальной площадки, которая действовала под эгидой Московского педагогического государственного университета. Экспериментальную базу составляли следующие столичные школы: № 879, 1280, 2086 [20], «Росинка» [18], «Олимп-Плюс», гимназия № 1591.

В качестве основных методик консалтингового сопровождения научно-методической работы по созданию, обсуждению, апробации и корректировке учебно-методического и управленческого обеспечения метапредметного образования выступали консультирование проекта и консультирование процесса.

- Консультирование проекта предполагает, что инициативным группам педагогов для обсуждения и корректировки предлагается уже разработанные проекты учебно-методических и управленческих документов. В этом случае консультант выступает в качестве разработчика, а сотрудники школы – в качестве экспертов и участников апробации управленческо-методических документов.

- Консультирование процесса предусматривает совместную работу консультанта, управленцев и педагогов по выявлению проблем учебно-методического и управленческого сопровождения метапредметного образования, разработке решений и их внедрению в образовательный и управленческий процессы. В этом случае уже в качестве разработчиков выступают сотрудники школы, консультант – в качестве эксперта управленческо-методических документов.

В течение десяти лет были созданы и внедрены в образовательную практику следующие дидактические, методические и управленческие документы:

1. Социально-педагогические ценности метапредметного образования как составная часть целевого раздела образовательных программ уровней общего образования.

2. Обоснование когнитивного, деятельностного и аксиологического компонентов содержания метапредметного образования, более подробное представление деятельностной составляющей в виде классификации общеучебных умений.

3. «Логические пятиминутки» как малая форма целенаправленного развития учебно-логических умений учащихся младших классов.

4. Учебно-методические комплексы метапредметных курсов «Основы учебного исследования» [17] и «Азбука логичного мышления» [3].

5. Технология разработки сценариев метапредметных уроков.

6. Мониторинговый инструментарий изучения сформированности приоритетных общеучебных умений обучающихся и пакет кейсовых заданий по определению готовности педагогов организовывать освоение обучающимися метапредметного содержания образования.

7. Пакет учебно-методических и управленческих документов организации проектной и исследовательской деятельности метапредметной направленности.

8. Технология (само) анализа метапредметного урока.

9. Технология внутришкольного управления разработкой и реализацией внутришкольной системы метапредметного образования.

Эффективность данного дидактико-методического и управленческого сопровождения была обоснована и доказана в пяти диссертационных исследованиях, которые провели руководители экспериментальных школ и научный консультант [4; 6; 15; 18; 20].

Следует отметить, что процесс разработки, обсуждения и реализации учебно-методического и управленческого обеспечения метапредметного образования осуществлялся в формате внутришкольной научной методической работы, которая инициировала практико-ориентированное повышение профессиональной компетентности педагогов. Названные материалы послужили в качестве содержания программы магистерской подготовки «Метапредметное образование», курсов повышения квалификации, которые проводились на протяжении десяти лет в Московском педагогическом государственном университете.

Представим и прокомментируем состав и структуру внутришкольной системы учебно-методического обеспечения метапредметного образования:

1 блок. Социально-педагогические ценности метапредметного образования

2 блок. Содержание метапредметного образования

3 блок. Учебно-методические комплексы метапредметных курсов

4 блок. Метапредметные уроки

5 блок. Дополнительные общеобразовательные программы

6 блок. Проектная и исследовательская деятельности

Первый блок имеет ценностно-смысловую направленность, отвечающую на вопрос «Зачем?». Второй – содержательную направленность, отвечающую на вопрос «Что?». Следующие блоки имеют технологический характер, отвечают на вопрос «Как?». Следует отметить, что основной акцент в технологических блоках сделан на освоение деятельностного компонента содержания метапредметного образования – универсальных учебных действий. Понятия «общеучебные умения» и «универсальные учебные действия» мы в нашей публикации вслед за федеральным образовательным стандартом (статьи 14, 18.2.1 ФГОС ООО) рассматриваем как синонимы, хотя понимаем, что с научной точки зрения это не совсем так. Обратим внимание, что реализация каждого блока системы

метапредметного образования по отдельности не приведет к освоению обучающимися содержания метапредметного образования. Это может быть достигнуто только в том случае, если все свои усилия руководители, учителя и педагоги дополнительного образования направят на реализацию всей системы блоков.

1 блок. Социально-педагогические ценности метапредметного образования.

Учитывая сделанный во ФГОС ОО акцент именно на деятельностный компонент содержания метапредметного образования, определим ценностные аспекты освоения учащимися общеучебных умений как универсальных для многих учебных предметов способов получения и применения знаний:

- Во-первых, это фактор академической мобильности ученика, т.е. успешности его учебы в школе и готовности непрерывного продолжения образования на протяжении всей жизни.

- Во-вторых, это фактор профессиональной мобильности личности, обеспечивающий реализацию высшего образования, получение профессии, перманентное повышение квалификации, профессиональную переподготовку.

- В-третьих, это фактор, повышающий эффективность работы школы, социального института, призванного реализовать программу общего образования. Ведь без активной познавательной позиции ученика, без его готовности самостоятельно осуществлять учебно-познавательную деятельность невозможна эффективная работа школы.

В связи с тем, что умение учиться является фундаментом учебно-познавательной деятельности человека на протяжении всей его жизни, очевидна трактовка общеучебных умений как важнейшего деятельностного компонента содержания метапредметного образования.

2 блок. Содержание метапредметного образования.

Мы считаем перспективной трактовку содержания метапредметного образования в соответствии с культурологической концепцией содержания образования [12, с. 104-109]. В соответствии с данной концепцией мы определяем четыре культуросообразных компонента содержания метапредметного образования:

- Когнитивный компонент – знание фундаментальных методологических понятий: принцип, закон, гипотеза, знак, проблема, рефлексия и т.д., представление о реальных объектах изучаемой действительности как фундаментальных образовательных объектах и т.д. Метапредметный подход есть суть конвергенции содержания образования, но посредством не только установления внешних межпредметных связей, а обоснования глубинной целостности и фундаментальности образования как отражения целостности познаваемой действительности.

- Деятельностный компонент – универсальные для многих школьных предметов учебно-познавательные способы приобретения, организации и применения знаний в стандартных и нестандартных ситуациях, т.е. так называемые

общеучебные умения; общенаучные способы познания, «которые должны иметь не столько учебно-тренировочную, сколько реально действенную роль в жизни» [28, с. 58]. Таким образом, деятельностно-компетентный компонент содержания метапредметного образования не может быть сведен только к общеучебным умениям. Однако учитывая общеобразовательную направленность школьного образования, содержание современного образовательного стандарта, из всех метапредметных видов деятельности сделаем основной акцент именно на учебно-познавательной деятельности. Определим учебно-познавательную деятельность как самоуправляемую деятельность учащегося по решению личностно-значимых и социально-актуальных реальных познавательных проблем, сопровождающуюся овладением необходимыми для ее разрешения знаниями и умениями по добыванию, переработке и применению информации. Такая трактовка определила состав и структуру нашей классификации общеучебных умений.

В связи с неясной классификационной основой, некорректностью, излишней обобщенностью и неконкретностью формулировок перечня универсальных учебных действий, изложенных в федеральных стандартах, остро стоит проблема отсутствия корректного определения состава и структуры общеучебных умений. К сожалению, разработчиками данной части стандарта была проигнорирована почти полувековая история отечественной педагогики по системному осмыслению общеучебных умений. Исследования представлены в работах С.Г. Воровщикова, Н.А. Лошкаревой, Е.В. Орловой, В.Ф. Паламарчук, Д.В. Татьянченко, А.В. Усовой, в прошлых образовательных стандартах 2004 года [1; 20; 21; 24; 25-27].

В предлагаемой нами классификации, опубликованной впервые в 1996 году [25], которая конкретизирует рамочный по своей сути перечень универсальных учебных действий, общеучебные умения объединены в три группы:

1. Учебно-управленческие умения.
2. Учебно-информационные умения.
 - 2.1. Умения работать с письменными текстами.
 - 2.2. Умения работать с устными текстами.
 - 2.3. Умения работать с реальными объектами как источниками информации.
3. Учебно-логические умения.
 - 3.1. Анализ и синтез.
 - 3.2. Сравнение.
 - 3.3. Обобщение и классификация.
 - 3.4. Определение понятий.
 - 3.5. Доказательство и опровержение.
 - 3.6. Определение и решение проблем.

Каждая группа умений содержит конкретные операционально представленные формулировки умений. Под учебно-управленческими умениями можно понимать общеучебные умения, обеспечивающие планирование, организацию, контроль, регулирование и анализ собственной учебной деятельности учащимися. Под учебно-информационными умениями понимаются

общеучебные умения, обеспечивающие нахождение, переработку и использование информации для решения учебных задач. Под учебно-логическими умениями понимаются общеучебные умения, обеспечивающие четкую структуру содержания процесса постановки и решения учебных задач.

- Креативный компонент – процедура творческой деятельности как креативное умение постановки и решения проблем. В соответствии с логикой творческой деятельности классики отечественной дидактики – М.Н. Скаткин, И.Я. Лернер, В.В. Краевский – определили следующие умения принимать эффективные решения в нестандартных познавательных проблемных ситуациях: умение определять познавательные проблемы, т.е. устанавливать несоответствие между желаемым и действительным; умение формулировать гипотезу по решению проблем; умение определять для решения проблем новую функцию объекта; умение осуществлять перенос знаний, умений в новую ситуацию; умение комбинировать известные средства для нового решения проблем [12, с. 106-109].

- Аксиологический компонент – ценностно-смысловые ориентации, убеждения о смыслах, целях, субъектах и результатах учебно-познавательной деятельности и т.д. Опыт эмоционально-ценностного отношения к миру включает социальную и личностную составляющие. Если социальная составляющая представляет собой перечень ценностей, одобряемых данным обществом, то у каждого человека формируется своя, индивидуальная иерархическая система ценностей. Несомненно, важными являются ценность процесса познания, научной деятельности, истины, ценность творчества.

Подчеркнем, что трактовка общеучебных умений как сложных интеллектуальных умений предполагает обязательное предъявление учащимся теоретико-инструктивных знаний корректного осуществления того или иного умения. Когда учитель рассказывает о морфологических особенностях глагола и при этом просит учащихся слушать его внимательно, то педагог должен избавиться от иллюзии: якобы он еще и учит внимательно слушать. Ведь ребята его слушают! Отнюдь. Общеучебные умения автоматически не осваиваются учащимся при выполнении предметных учебных заданий как обязательный побочный продукт. Эффективное применение общеучебных умений при решении учебных задач предполагает, что они должны были сначала выступить в качестве предмета целенаправленного освоения. Именно на это направлены технологические блоки системы метапредметного образования, в которых основной акцент сделан на освоение деятельностного компонента содержания метапредметного образования – универсальных учебных действий.

3 блок. Учебно-методические комплексы метапредметных курсов.

Метапредметные курсы, направленные на освоение деятельностного компонента содержания метапредметного образования, позволяют сформировать теоретико-инструктивные, технологические и аксиологические основы владения общеучебными умениями. В качестве примера учебно-методических комплексов подобных метапредметных курсов укажем наши курсы: «Основы учебного

исследования» для учащихся 5-10 кл. [17] и «Азбука логичного мышления» для учащихся 9-10 кл. [3].

Ценности, знания и умения, освоенные учащимися в границах метапредметного курса деятельностной направленности, позволяют учителям-предметникам более эффективно совершенствовать приоритетные компоненты содержания метапредметного образования в границах общеобразовательных дисциплин. Метапредметный курс избавляет учителей-предметников от тавтологии и разнобоя в инструктажах, предоставляя возможность активно использовать и развивать уже сформированные умения. При организации в школе проектной и исследовательской деятельности данный курс формирует у учащихся общий стартовый уровень знаний и умений, необходимых для компетентного участия в проекте и проведения учебного исследования.

4 блок. Метапредметные уроки.

Метапредметные уроки, которые преимущественно направлены на освоение учащимися деятельностного содержания метапредметного образования, способствуют целенаправленному формированию когнитивной, деятельностной и аксиологической составляющих владения общеучебными умениями. Метапредметные уроки играют существенную роль в метапредметном образовании, в том числе и за счет метапредметной интеграции содержания образования. В качестве объекта освоения на метапредметных занятиях могут выступать различные компоненты содержания метапредметного образования: методологические категории учебно-познавательной деятельности такие, как проблема, цель познания, гипотеза, рефлексия и т.д., логические средства: анализ и синтез, сравнение, обобщение и классификация, определение понятия, доказательство и опровержение. Таким образом, содержание метапредметных уроков обусловлено рефлексивным характером учебно-познавательной деятельности, которая направлена не только на получение нового знания, но и на сам процесс его получения.

Представим и прокомментируем основные этапы сценарирования метапредметного урока, которое преимущественно направлено на освоение учащимися деятельностного содержания метапредметного образования:

1 этап. Определение типа урока. Учитывая место урока в учебной теме, исходя из образовательной цели учебного занятия, необходимо выбрать конкретный тип урока, например, комбинированный урок, урок усвоения нового материала, урок закрепления изучаемого материала, урок повторения и т.п. [13, с. 189-195]. Тип урока определяет набор этапов урока.

2 этап. Определение конкретного общеучебного умения и уровня его освоения. Необходимо, учитывая заявленные в учебной программе образовательные результаты, определить конкретное общеучебное умение и предполагаемый уровень его освоения. В качестве примера приведем следующий наиболее убедительный перечень уровней освоения действия, предложенный В.П. Беспалько. Понимание: обучающийся знает, как корректно осуществлять действие,

но у него отсутствует опыт его реализации; узнавание: обучающийся выполняет каждую операцию действия, опираясь на знания, как корректно его осуществлять: описание, алгоритм, подсказка, памятка; воспроизведение: обучающийся самостоятельно выполняет действие при решении ранее рассмотренных типовых учебно-познавательных проблем; применение: обучающийся применяет действие при решении нетиповых учебно-познавательных проблем; творчество: обучающийся, действуя в известной ему сфере деятельности, самостоятельно применяет действие для создания собственного образовательного продукта [2, С. 37-38]. Подчеркнем, что при проектировании метапредметного урока особое значение представляет не просто перечисление осваиваемых общеучебных умений, а указание и осмысление уровня освоения каждого действия.

3 этап. Выбор образовательной технологии освоения общеучебного умения. Определение конкретного уровня освоения общеучебного умения обуславливает выбор образовательной технологии. Необходимо, чтобы образовательная технология учитывала поэтапное освоение умственных действий, предложенное П.Я. Гальпериным почти полвека назад [56]. Решающую роль на метапредметном уроке играет ориентировочный этап. В конечном счете, именно корректное владение ориентировочной основой действия определяет качество реализации учащимся общеучебного умения.

4 этап. Определение содержания ориентировочной основы осуществления общеучебного умения. В российской педагогической психологии выделяют следующие основные типы ориентировочных основ действия (ООД) [6]. Первый тип ООД характеризуется неполным составом ориентиров, направлен на решение конкретной проблемы. Данный тип ООД соответствует методу «проб и ошибок», поэтому преимущественно используется в игре, хозяйственно-бытовой деятельности и т.п. Второй тип ООД содержит полный состав ориентиров, необходимых для решения конкретной учебно-познавательной проблемы, например, алгоритм синтаксического разбора предложения. Третий тип ООД содержит систему общих ориентиров, необходимых для решения класса учебно-познавательных проблем. Именно данный метапредметный тип ориентиров необходим для формирования и развития общеучебных умений.

5 этап. Рефлексия сценарирования метапредметного урока. На заключительном этапе сценарирования надо обосновать необходимость освоения общеучебных умений именно на данном уроке, осознать, была ли запланирована учителем демонстрация актуальности овладения общеучебными умениями для эффективного решения учебно-познавательных проблем, было ли предусмотрено доказательство необходимости корректного осуществления общеучебного умения в соответствии с ориентировочными основами действия, в какой степени содержание учебного материала и формулировки общеучебных умений дополняют друг друга, соответствующим ли методы обучения и формы познавательной деятельности овладению ориентировочными основами действия, предполагается ли

осуществление рефлексии успешного использования общеучебных умений на уроке.

5 блок. Дополнительные общеобразовательные программы.

Образовательный потенциал дополнительных общеобразовательных программ детских объединений значительно возрастает благодаря интеграции с внеурочными метапредметными курсами на основе ценностной и содержательной близости, организационно-методического взаимодействия. Реализация дополнительных общеобразовательных программ детских объединений (интеллектуальных клубов, секций, студий, кружков и т.п.) получает дальнейшее развитие в проектной и исследовательской деятельности учащихся.

6 блок. Проектная и исследовательская деятельность.

Проектная и исследовательская деятельность учащихся должны осуществляться на основе интеграции общего и дополнительного образования. Одним из механизмов такой интеграции является целостный пакет внутришкольных дидактико-методических документов по сопровождению организации и осуществлению проектной и исследовательской деятельности учащихся:

- внутришкольные нормативные документы, обеспечивающие стабильное развитие данного направления образовательного процесса, например, положение о школьной конференции проектных и исследовательских работ учащихся [16], положение о школьном научном обществе и т.д.;

- методические рекомендации учителям, выступающим в качестве консультантов проектных и исследовательских работ учащихся, например, учебно-методический комплекс метапредметного курса [18] и т.д.;

- дидактические рекомендации учащимся, осуществляющим исследовательскую деятельность, разрабатывающим учебные проекты, например, требования к выбору и формулировке темы, структуре защитной речи и т.д.

Таким образом, дидактико-методическое сопровождение организации и осуществление проектной и исследовательской деятельности учащихся включают как стратегические, так и тактические документы, как регламентирующего, так и рекомендательного характера, как методической, так и дидактической направленности. Пакет данных документов не только ежегодно должен обсуждаться, корректироваться и утверждаться на педагогическом совете и совете ученического научного общества, но и доводиться до всех участников: как учащихся и их родителей, так учителей, педагогов дополнительного образования, выступающих в роли научных консультантов.

Разработка и внедрение учебно-методического сопровождения метапредметного образования, в свою очередь, предполагает проектирование соответствующего управленческого сопровождения. Данное сопровождение должно быть направлено на обеспечение скоординированности деятельности учителей, работающих в одном классе, и преемственности деятельности педагогов начальной, основной и полной ступеней обучения. Требуется внутришкольное управление, инициирующее вовлечение педагогов в разработку, корректировку,

адаптацию и апробацию учебно-методического сопровождения формирования и развития общеучебных умений учащихся.

При этом следует учитывать следующие положения:

1. Эффективность формирования и развития общеучебных умений будет значительно выше, если оно не только осуществляется усилиями одного учителя-энтузиаста (пусть и очень талантливый), но получило признание в образовательной деятельности многих педагогов и поддержку руководителей школы. В связи с этим необходим педагогический коллектив единомышленников, понимающий важность метапредметного образования, обладающий необходимым уровнем профессиональной компетентности, экипированный соответствующими учебно-методическими комплексами, обеспеченный управленческим сопровождением.

2. Системный характер метапредметного образования требует соответствующего многоуровневого проектирования его учебно-методического обеспечения не только на уровне отдельных учебных программ метапредметов или метапредметных уроков общеобразовательных дисциплин, но и детальной разработки содержательной части образовательных программ уровней общего образования, направленной на освоение универсальных учебных действий.

3. Только активное участие педагогов в разработке, обсуждении и внедрении в практику решений проблем умений учащихся учиться позволит, с одной стороны, создать адекватные особенностям школы учебно-методические комплексы, а с другой стороны, освоить их и сформировать методическую и психологическую готовность педагогов по реализации данного учебно-методического обеспечения.

4. В связи с высоким коэффициентом инновационности метапредметного образования, разработка и внедрение в образовательный процесс школы соответствующего учебно-методического обеспечения требуют организации внутришкольной системы научно-методического сопровождения. Именно внутришкольная научно-методическая работа способствует обеспечению качества образования благодаря решению инновационных психолого-педагогических проблем посредством разработки, выявления, адаптации и внедрения в образовательный процесс дидактико-методических средств, которые сопровождаются проблемно- и практико-ориентированным повышением профессиональной компетентности педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонова Е.И. Научная школа управления образовательными системами Т.И. Шамовой: характеристика основных черт/ Е.И. Артамонова, С.Г. Воровщиков// Управление образованием. 2017. № 6. С. 13-18
2. Беспалько В.П. Системно-методическое обеспечение учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов / В.П. Беспалько, Ю.Г. Татур. М.: Высш. шк., 1989.
3. Воровщиков С.Г. Азбука логического мышления. М.: 5 за знания, 2007.

4. Воровщиков С.Г. Внутришкольное управление развитием учебно-познавательной компетентности старшеклассников: Автореф. докт. пед. наук. М., 2011.
5. Гальперин П.Я. Психология как объективная наука. М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1998.
6. Гладик Н.В. Формирование самооценки эффективности управления качеством научно-методической работы в общеобразовательном учреждении: Автореф. канд. пед. наук. М., 2008.
7. Громыко Н.В. Метапредметный подход в образовании при реализации новых образовательных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docme.ru/doc/38300/stat. ya-gromyko-n.v.-metapredmetnyj-podhod-v-obuchenii> (дата обращения: 12.12.2018)
8. Громыко Ю.В. Метапредмет «Знак». Схематизация и построение знаков. Понимание символов. М.: Пушкинский институт, 2001.
9. Громыко Ю.В. Метапредмет «Знание». М.: Пушкинский институт, 2001.
10. Громыко Ю.В. Метапредмет «Проблема». М.: Институт учебника «Пайдейя», 1998.
11. Громыко Ю.В. Мыследеятельностная педагогика. Минск: Технопринт, 2000.
12. Дидактика средней школы/ В.В. Краевский, И.Я. Лернер, М.Н. Скаткин, Н.М. Шахмаев. М.: Просвещение, 1982.
13. Конаржевский Ю.А. Система. Урок. Анализ. Псков: ПОИПКРО, 2012.
14. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. 2004. № 5. С. 3-12
15. Могильниченко Т.Н. Повышение профессиональной компетентности учителей при разработке элективных курсов: Автореф. канд. пед. наук. М., 2008.
16. Николаева Л.А. Конференции старшеклассников. М.: Просвещение, 1980.
17. Новожилова М.М. Как корректно провести учебное исследование: от замысла к открытию / М.М. Новожилова, С.Г. Воровщиков, И.В. Таврель. М.: 5 за знания, 2011.
18. Новожилова М.М. Формирование культуры исследовательской деятельности старшеклассников в условиях профильного обучения: Автореф. канд. пед. наук. М., 2009.
19. Новожилова, М.М. Формирование культуры исследовательской деятельности старшеклассников в условиях профильного обучения. М.: МПГУ, 2009.
20. Орлова Е.В. Управление развитием общеучебных умений учащихся основной школы: Автореф. дис. канд. пед. наук. М., 2005.
21. Паламарчук В.Ф. Школа учит мыслить. М.: Просвещение, 1987.
22. Примерная основная образовательная программа образовательного учреждения. Основная школа. М.: Просвещение, 2011.
23. Примерная основная образовательная программа основного общего образования. Одобрена решением федерального УМО по общему образованию (протокол от 8 апреля 2015 г. № 1/15) [Электронный ресурс]. URL: <http://mosmetod.ru/files/dokumenty/primernaja-osnovnaja->

- [obrazovatel'naja-programma-osnovogo-obshchego-obrazovaniya.pdf](#) (дата обращения 11.12.2018)
24. Развитие общих учебных умений и навыков школьников. Рекомендации одобрены Главным управлением школ Министерства просвещения СССР // Воспитание школьников. 1984. № 4. С. 64-69
 25. Татьянченко Д.В. Общеучебные умения: очарование очевидного / Д.В. Татьянченко, С.Г. Воровщиков. Челябинск: ЦНТИ, 1996.
 26. Татьянченко Д.В. Развитие общеучебных умений школьников / Д.В. Татьянченко, С.Г. Воровщиков // Народное образование. 2003. № 8. С. 115-126
 27. Усова А.В. Формирование у учащихся учебных умений / А.В. Усова, А.А. Бобров. М.: Знание, 1987.
 28. Хуторской А.В. Дидактика. СПб: Питер, 2017.
 29. Хуторской А.В. Концепция Научной школы челосекосообразного образования. М.: Издательство «Эйдос», 2015.
 30. Хуторской А.В. Метапредмет «Мироведение». Черноголовка, 1993.
 31. Хуторской А.В. Метапредмет «Числа». Черноголовка, 1994.
 32. Хуторской А.В. Метапредметный подход в обучении. М.: Изд-во «Эйдос», 2012.
 33. Хуторской А.В. Методология педагогики: человекообразный подход. Результаты исследования. М.: Издательство «Эйдос», 2014.
 34. Хуторской А.В. Тезаурус человекообразного образования. М.: Издательство «Эйдос», 2015.
 35. Хуторской А.В. Учебный метапредмет [Электронный ресурс]. URL: <http://khutorskoy.ru/science/concepts/terms/metapredmet.htm> (дата обращения: 11.12.2018)

INTRA-SCHOOL SYSTEM OF METASUBJECT EDUCATION: COMPOSITION AND STRUCTURE

Vorovshchikov Sergey G.
professor, doctor of Pedagogy,
professor institute of pedagogic and psychology
of education Moscow City University.

Tatyanchenko Dmitry V.
PhD in Pedagogic sciences,
associate professor of the South Ural
State University of Humanities and Education.

Abstract. The project of intra school system of metasubject education which includes justification of social and pedagogical values, the description of the main components of the content of metasubject education, the short characteristic of methodical features of

metasubject courses, metasubject lessons, additional general education programs, the organizations of design and research activity of the trained is presented in article. The presented system is based on concepts of metaconcreteness, integration of the general and additional education, the organization of intra school scientific and methodical work.

Keywords: metasubject educational results; intra school system of metasubject education; contents education; metasubject course; metasubject lesson; design and research activity.

ОТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА К СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Иерей Михаил Никитин
Директор Курского областного общественного учреждения
духовно-нравственного и патриотического
воспитания Центр «Милосердие»

В качестве ключевых понятий дефицита общества сегодня выступают такие понятия, как «духовность», «нравственность», «духовно-нравственный потенциал».

В результате социальных, экономических, политических процессов в обществе происходят изменения, которые оказывают существенное влияние на отношение молодых людей к миру. Отсутствие четких нравственных ориентиров, снижение уровня духовной культуры – всё это современная реальность. В таких условиях всё острее ощущается потребность в воспитании духовно-богатой, высоконравственной личности, способной не только потреблять, но и созидать.

В Послании Федеральному Собранию РФ 12 декабря 2012 года Президент В. В. Путин обратил особое внимание на то, что российское общество испытывает явный дефицит духовных ориентиров: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи... Он отметил необходимость укреплять прочную духовно-нравственную основу общества для формирования нравственного гармоничного человека, ответственного гражданина России.

Необходимость актуализации духовно-нравственных ценностей молодежи подтверждают и результаты эмпирического исследования. В качестве инструментария для этого была использована методика «Ценностные ориентации» (автор – М. Рокич), включающая для выбора перечень терминальных и инструментальных ценностей. Интересно, что среди предложенных 18 выборов, такие качества личности, как работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование, заняли одиннадцатое место, а такое понятие, как счастье других – благосостояние общества, народа, человечества – было отнесено на тринадцатую позицию.

Поэтому духовно-нравственная составляющая должна присутствовать во всех направлениях воспитательной деятельности, что позволит сохранить как саму личность, так и всё общество.

Анализ научных исследований показал общепризнанность утверждения о единстве духовного и нравственного начал в жизни человека, но понятия «духовность» и «нравственность» трактуются, осмысляются и проявляются в действии неоднозначно.

Основное направление в социальной работе – это оказание помощи семье в различных формах: финансово-экономическая поддержка, психологическая,

юридическая и медицинская помощь, духовно-нравственное окормление, просвещение, воспитание и становление личности.

Однажды родоначальник немецкой философии Иммануил Кант высказал о воспитании простое, но верное определение: «Воспитание есть величайшая и труднейшая проблема, которая может быть поставлена человеку». И эта проблема действительно поставлена огромному большинству людей. Разрешение этой проблемы, от которой всегда зависит будущее человечества, начинается в лоне семьи, как первоячейке общества, и заменить семью в этом деле ничто не может.

Возникновение в России традиций многодетности диктовалось с одной стороны условиями высокой общей и детской смертности, с другой стороны наложением запрета на всякое предупреждение и прерывание беременности, поскольку в христианском мире это считалось страшным грехом детоубийства.

В расширенной семье патриархального типа производственно-хозяйственная деятельность сочеталась и с профессиональной передачей знаний и навыков подрастающим поколениям, и с воспитанием в духовно-нравственной семейной среде, где младшие возрастали в почитании, повиновении и послушании старших.

Только в семье природа дарует необходимую для воспитания любовь, и притом с такой щедростью, как нигде более. Никакие детские сады, детские дома, приюты и тому подобные фальшивые замены семьи никогда не дадут ребенку необходимого, ибо главной силой воспитания является то взаимное чувство личной незаменимости, которое связывает родителей с ребенком и ребенка с родителями связью единственной в своем роде – таинственной связью кровной любви. А в неполных семьях, где кроме социальной необеспеченности, нет отца, дети испытывают не только физическую, но и душевную ущербность. Поэтому социальная поддержка малоимущих многодетных семей не должна сводиться только к обеспечению материальными благами, но должна быть направлена и на повышение культурного, нравственного и духовного уровня опекаемых, как детей, так и взрослых.

Государственная власть России всегда уделяла должное внимание улучшению социума населения страны. В России была чрезвычайно широко распространена частная благотворительность. Созданное в 1802 году Императорское человеколюбивое общество за время своего существования собрало 67 млн. рублей, 59 млн. из которых приходилось на долю пожертвования частных лиц, что свидетельствует о воспитанном в обществе милосердии и сострадании обеспеченных слоев населения к бедным и малоимущим.

Именно в Российской империи впервые в мире были изданы законы, регламентирующие условия труда женщин и детей. Кодекс императрицы Екатерины II, регулировал детский и женский труд. В правление Александра III и Николая II был издан ряд законов, защищающих рабочих от произвола фабрикантов. Закон 1897 года регламентировал работу мужского труда.

В 1914 году российский рабочий тратил на питание для себя и своей семьи - 44% от заработка; в Европе в то время процент зарплаты, затрачиваемой на

питание, был гораздо выше – 60-70%. А к 1916 году, несмотря на рост цен, социально-прожиточный уровень, не только не снизился, но значительно улучшился, и составил расход средств на питание 25%, а 75% расходовалось на социальное развитие. И сегодня Федеральным законодательством предусматривается право граждан на социальное обслуживание; на материальную помощь; социальное обслуживание на дому и в стационарных учреждениях. Подобная деятельность закреплена за социальными службами по социальной поддержке и оказанию социально-бытовых, социально-медицинских, психолого-педагогических, социально-правовых услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В этом направлении у церкви и государства есть общие задачи. Ибо исторически Русская Православная Церковь всегда, на протяжении всей своей тысячелетней истории, была со своим народом в радостях и испытаниях, выпавших на его многострадальную долю. Вопросы нравственности и морали, здоровья и культуры нации, семьи и воспитания требуют совместных усилий государства и церкви, равноправного союза, а не подчинения одного другому.

В России произошло обновление государственной власти, которая ныне стремится к плодотворному взаимодействию с Русской Православной церковью в самых разных областях, и в особенности в области социальной деятельности. Да, люди по-прежнему страдают – страдают от нищеты, несправедливости, вражды, кровопролитных конфликтов и их последствий. Но ответом на «рознь мира сего» должен быть мир Христов. Сегодня немало говорят об объединительной идее, способной помочь преодолеть кризисное состояние нашего общества. Такая идея жизненно необходима. Однако национальную идею нельзя изобрести или заимствовать. Она есть, она никуда из народного сознания не уходила. Но она затуманивалась, искажалась грехом интеллектуального и физического насилия. Тем не менее, она продолжает жить в подсознании народа. И недостает ей сегодня лишь одного - обретения полной духовной свободы. Тогда можно будет эту идею осознать во всей её полноте, чтобы ею жить. Эта идея и это общее чаяние – в гармоничном сочетании высокой нравственности, духовности и честного труда всех членов нашего общества.